657417
К 9
А 809

Н. АРЗЮТОВ

О ЧЕМ ГОВОРЯТ КУРГАНЫ

ФОНД СБО

Н. АРЗЮТОВ

О ЧЕМ ГОВОРЯТ КУРГАНЫ

РАССКАЗЫ
ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДКАХ
В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

ПОД НАУЧНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
Проф. П. С. РЫКОВА

23408

САРАТОВСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1936

САРАТОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Горнарткабинет

И. К. Арзютов

О ЧЕМ ГОВОРЯТ КУРГАНЫ

СаркрайГИЗ, Саратов, 1936

Книга Арзютова „О чем говорят курганы" знакомит читателя с отдельными, наиболее яркими моментами древней истории Нижнего Поволжья. Попутно книга дает также представление об археологии, о ее методах и о ее значении в деле изучения истории человечества.

Книга рассчитана, в первую очередь, на школьников, изучающих историю народов СССР. Она даст им ряд конкретных фактов, познакомит с памятниками материальной культуры людей, населявших Нижнее Поволжье много веков.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

657417

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Многие области и края, союзные и автономные республики составляют нашу страну—великий СССР. Одной из таких областей является Нижнее Поволжье—нынешние Саратовский и Сталинградский края и две автономные республики—Немцев Поволжья и Калмыцкая.

Книгой „О чем говорят курганы" автор стремится познакомить читателя с далеким историческим прошлым Нижнего Поволжья.

Книга эта—не учебник, она не дает изложения всей истории народов, населявших Нижнее Поволжье. Автор, опираясь на результаты археологических работ, дает картину отдельных, наиболее ярких моментов древней истории этого района нашей страны.

„Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам,—говорил В. И. Ленин,—общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем—общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое... За этой формой последовала в истории другая форма—крепостное право".

В простом рассказе в книге раскрывается перед читателем картина за картиной того, как одна форма общественного устройства сменялась другой. Рассказы доведены до момента завоевания Нижнего Поволжья Московским феодальным государством. Археологический материал, сохранившийся от XVI века и позже, уже недостаточен для того, чтобы продолжать эти рассказы. Показать дальнейшую историю Нижнего Поволжья, уже не по археологическим материалам, но по письменным историческим документам—задача другой книги.

Рассказы автора—не домысел, а реконструкция, восстановление картин прошлого на основе археологических научных исследований. Даже там, где автор отступает от фактических, ему известных материалов и пытается, не без успеха, нарисовать облик людей, населявших Нижнее Поволжье тысячелетия тому назад, и дать живое представление о их быте, он не выходит за пределы исторической правдоподобности, а для последних разделов книги и достоверности.

Книга имеет ввиду познакомить юного читателя с памятниками материальной культуры, которые содействуют лучшему пониманию техники труда, обычаев и всего уклада людей далекого прошлого. Этим она поможет учащимся ознакомиться с конкретным историческим материалом, окажет хорошую помощь школе, тем ее классам, в которых изучается история, главным образом, история народов СССР.

Наконец, книга дает некоторые сведения об археологии, ее методах и значении для изучения древних эпох.

Правдивый исторический рассказ, иногда оживленный научной фантазией автора, может заинтересовать и взрослого читателя, впервые начинающего изучение древнейшей истории.

П. Рыков

Давно ли появился человек на берегах Волги, на том ее пространстве, которое сейчас называется Нижним Поволжьем?

Сохранились письменные указания, из которых мы можем узнать, что около двух с половиной тысяч лет тому назад в пределах теперешних Саратовского и Сталинградского краев люди уже жили.

Жил ли здесь человек еще раньше—десять, двадцать тысяч лет тому назад? На этот вопрос рассказы самых древних историков и путешественников ответа дать не могут. Узнать об этом нам помогает наука—археология.

В различных местах, в земле, находят остатки стоянок—поселений первобытного человека, его орудия и предметы домашнего обихода. Изучая эти находки, археологи установили, что человек жил уже около полмиллиона лет назад. Следы жизни человека в те далекие времена, которые названы эпохой палеолита или древнекаменной эпохой, у нас, в СССР, найдены

на Северном Кавказе, на Днепре и на Дону, близ города Ульяновска, в Сибири — по реке Енисею и у города Иркутска, затем в Крыму.

В Нижнем Поволжье следов человека палеолитической эпохи пока не обнаружено. Но это не значит, что в те времена в наших краях человека не было. Наука, изучающая прошлое земли — геология, подтверждает, что сотню тысяч лет тому назад здесь были реки, которые теперь называются Волга, Медведица, Уза, Хопер. По берегам этих рек были леса и степи, были озера, обильные водами, скапливавшимися от таяния отступающих ледников. Были здесь и удобные места для поселения человека. В лесах, в степи, в реках и озерах человек мог добывать себе пищу охотой на животных, ловлей рыбы, сбором диких растений и кореньев.

Но если о том, как жил человек пятьдесят — сто тысяч лет тому назад, мы можем судить лишь по тем остаткам, которые найдены в различных местах СССР и в других странах, то о жизни человека в более поздний период нам рассказывают многочисленные находки следов его и в Нижнем Поволжье.

Самые древние памятники жизни человека, открытые в пределах Нижнего Поволжья, относятся к эпохе, начавшейся 10—12 тысяч лет тому назад. Эта эпоха называется неолитической или новокаменной.

С описания находок неолитической эпохи мы и начнем рассказы о далеком прошлом Нижнего Поволжья.

10 ТЫСЯЧ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ.

На реке Хопре — ниже Балашова, по Волге — у сел Терновки и Липовки, на Прапорском бугре — на речке Саратовке, по реке Еруслану — у сел Зельман, Красный Яр, Салтово, возле городов Сталинграда,

Камышина и в других местах Саратовского и Сталинградского краев, затем в Калмыкии и Республике немцев Поволжья находят следы стоянок людей, живших 10—12 тысяч лет тому назад.

Места, где находят эти стоянки, показывают, что люди в то далекое время селились, главным образом, ближе к воде, по берегам рек и озер.

Песчаная почва этих берегов в те времена была закреплена зарослями трав и кустарников, но затем сам человек и копыта животных разрушили тонкий покров из дерна, и ничем не сдерживаемый песок пришел в движение. Ветер двигает песчаные волны, пересыпает громадные барханы или, как их еще называют, дюны, с одного места на другое.

Особенно мощные дюны тянутся вдоль левого берега Ахтубы. Большое пространство занимают они и по реке Еруслану. Начинаясь в районе сел Салтово и Лятошинки, дюны далеко тянутся отсюда по обоим берегам Еруслана до села Дьяковки.

Они то громадными буграми, барханами, налегают на древние стоянки, то начисто сметаются в сторону, образуя котловину, и тогда все следы стоянки как на ладони: тут можно видеть вещи величиной чуть ли не с булавочную головку. Но, осмотрев какую-нибудь дюнную стоянку, например, в 1936 г., совсем нельзя быть уверенным в том, что вы найдете ее в 1937 г. Она окажется засыпанной, и, наоборот, обнаружится из-под песка другая стоянка.

Ходить по дюнам очень тяжело. Ноги вязнут в песке. В жаркие дни все вокруг пышет зноем: склоны бархан, точно увеличительные стекла, отбрасывают на вас много тепла. От блеска песчинок начинают болеть глаза. Иногда под ветром верхушки барханов начинают „куриться", и песок, сползая по склонам, как бы поскрипывает, поет...

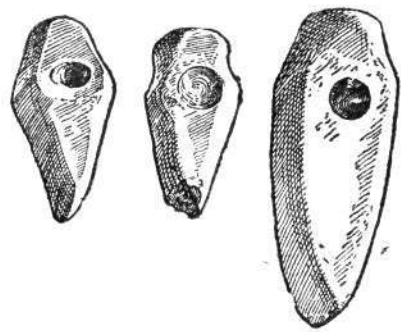
Несмотря на трудности, обследование дюн — одна из самых увлекательных работ археолога. От усталости ноги почти отказываются служить, а вы все ныряете и ныряете из одной котловины в другую. Собрав несколько черепков и кремешков в одной выдувине, вы стремитесь к другой, с надеждой найти там несметное количество прекраснейшей посуды, груды топоров, копий. Действительность часто огорчает фантазию, но если попадется вам хотя даже один только целый горшок, вы радостно кричите, созывая к месту находки товарищей.

Пройдемтесь на одну из таких стоянок, например, в окрестностях села Салтово, в Немреспублике, туда, где река Еруслан, почти против села, делает значительный изгиб, образуя большой мыс.

Мыс этот для прогулок мало приятен, путнику все время приходится итти точно по волнам: то взбираться, утопая по щиколотку, на барханы, то круто спускаться в котловины. В иной котловине песок выдут ветром до глины, и на ней видны большие слои и пятна золы и угля. За пять-десять минут здесь можно набрать полные пригоршни гладких или украшенных рисунком (орнаментированных) черепков от грубой глиняной посуды, до десятка кремневых орудий: наконечников стрел, скребков, ножевидных пластинок и т. д. Это остатки древней стоянки.

В таких же котловинах вы встретите большие пятна, каждое в несколько метров диаметром, состоящие из множества осколков кремня и кварцита. Среди этих осколков нетрудно разыскать обломки каменных отбойников (молотки), а иногда и куски готовых, но разбитых каменных топоров, сваленные на бок, большие, с плоской, но выщербленной поверхностью камни, служившие наковальнями. Перед нами остатки первобытных „мастерских".

Если сейчас сложить в кучу все кремневые изделия, которые найдены на дюнах, мы получим, повидимому, полный набор их для человека, жившего в новокаменную эпоху (неолит) в нашем крае: наконечники копий, наконечники стрел, ножи, скребки, проколки (шильца), треугольные топорики, пилки. Копья, ножи и топорики не отличались особенным разнообразием, но наконечники стрел делались самых различных форм и размеров, выделяются иногда красотой и большой тщательностью отделки. Человек того времени — прежде всего охотник: чем острее его стрела, тем больше успеха в охоте за птицей, зайцем или другой дичью. Топоры делались то массивные, грубоватые, годные для того, чтобы рубить лес или добывать из твердых пластов земли кремень (руду), то маленькие, изящные, которыми, кажется, не позволил бы себе ударить о что-нибудь твердое из боязни разбить.



Каменные топоры эпохи неолита.

Пока не появился на смену кремню металл, человек всячески совершенствовал обработку камня и кремня. Этим совершенством своих кремневых, деревянных и каменных орудий и отличается человек новокаменной эпохи от человека эпохи древнекаменной. Особенно лук и стрелы совершили целый переворот в жизни древнего человека. Хорошая дубина, копье и лук со стрелами позволяли теперь людям охотиться уже и в одиночку и добывать больше пищи.

Прежде человек использовал для выделки орудий преимущественно кремень, кварцит; другие породы —

диорит, серпентин (змеевик), твердый песчаник, труднее поддающиеся обработке, он употреблял лишь в том виде, в каком их давала ему природа. Все искусство человека тогда заключалось только в том, чтобы отыскать камень, который было бы удобно держать в руке в качестве, например, молотка. В руках же мастера более позднего времени — неолитической эпохи — эти камни превращались в шлифованные, сверленые каменные топоры и молоты.

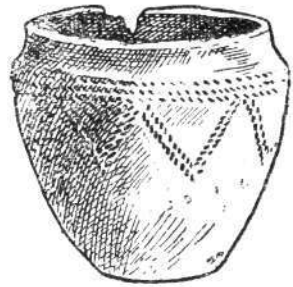
Присмотритесь внимательно к этим топорам и вы поймете, сколько труда, терпенья, сноровки и времени должен был потратить человек для того, чтобы изготовить этот простой с виду каменный топор.

В Саратовском музее есть каменный топор, найденный в поле. Он тщательно отшлифован, но отверстие для рукоятки в нем до конца не просверлено и проделано приблизительно на одну пятую часть. Топор, видимо, не доделан. Форма углубления этого топора ровная, полушарная; оно могло быть высверленным только палкой: по дну углубления идут концентрические круги, соответствующие годовым кольцам толстого прута, взятого в качестве сверла.

Сверление топоров производилось не только палкой. В 1922 году в краевой музей передали каменный топор, сверлина в котором проделана даже не палкой, а камышем (тростником).

Вы скажете — отверстие в топоре можно было проделать камнем же или кремнем. Попробуйте! Этот способ, вероятно, не раз пытался применить и мастер новокаменной эпохи. Но как он, так и вы после ряда неудач убедитесь, что этот способ негоден. Камень для топора подбирался очень твердый. Найдите камень для сверла, который был бы еще тверже топора. Пожалуй, не найдете. С тем, как делал первобытный человек свои орудия, мы ознакомимся несколько позже.

Быт человека новокаменной эпохи обогатился и такими новыми предметами хозяйства, как глиняная посуда. Грубый глиняный горшок не может привлечь к себе внимания, и посетители музея, с любопытством рассматривая каменные топоры, бронзовые ножи, часто совершенно равнодушно проходят мимо горшков и черепков от них. Между тем, каждый древний горшок— отражение уменья, вкуса, житейской обстановки того, кто его делал. Все они как будто похожи друг на друга и в то же время совсем разные.



Горшок из „ямного" погребения.

Древний гончар лепил свою посуду вручную, без всякого приспособления, поэтому и горшки его похожими друг на друга быть не могли.

Вот на музейной полке стоит горшок — широкогорлый, ровный, гладкий, красноватое дно едва заметно, на шейке выдавлен веревочкой двойной поясок, от которого свисает вниз зубчатая бахрома, отпечатанная той же веревочкой. Другой — маленький, неуклюжий, с круглым дном, без всякого узора (орнамента). Третий горшок немного похож на первый, только повыше, дно его шире, он серого цвета, узор на нем выдавлен ногтем.

Вот лежат в коробках или нашиты на куски картона горшечные инвалиды: половинки, четвертушки, а то и совсем мелкие кусочки. Они окатаны песком, не раз омывались дождем, за тысячелетия успели облезть, некоторые из них стали вдвое тоньше. А вот еще небольшой горшочек. Сейчас он стоит целехонек, слегка выпятив бока, весь рябой от рисунка (орнамента). Если присмотритесь к нему, заметите, что он

склеен из мелких черепков. В 1928 году археологическая экспедиция нашла его на дюнах у станции Сероглазово по Астраханской ж. д. Горшок был раздавлен, часть черепков свалилась внутрь его, другие — рассыпались в стороны. Нашедший эти черепки собрал их все до одного, привез в музей, терпеливо подобрал и подклеил один к другому. В музее много таких склеенных горшков.

На иных горшках четко видны отпечатки пальцев руки мастера. Впервые делать глиняную посуду начала женщина. Мужчина был занят, главным образом, охотой. Женщина поддерживала костер, готовила пищу, устраивала хранилища для собранных кореньев. Несомненно, она первая использовала глину: заделывала ею щели в жилище, обмазывала плетенки-корзинки, украшала себя цветной глиной, потом, наконец, она стала лепить и горшки. Но не сразу научились люди обжигать их. Сначала горшки только просушивали. Необожженные они были непрочны, размокали от воды.

На обжиг натолкнулись случайно. Люди не раз замечали, как куски мятой глины, горшки или обломки их попадали в костер. Когда зола выгребалась из очага, выкидывались и эти предметы, но уже обожженные: звонкие, крепкие, не пропускающие жидкости. Эти случайные наблюдения привели к тому, что обжиг стал применяться сознательно.

Гончар-женщина обжигала посуду на том же костре, на котором готовила пищу. Жирная глина, из которой делались горшки, требовала для обжига очень высокой температуры, какой тогда получить не могли. Черепки такой посуды в изломе черные, потому что органические вещества, содержащиеся в глине (перегной), при обжиге полностью не сгорали.

Очень долго ничего кроме горшков не делалось. В тарелках, чашках и в посуде другой формы люди

пока, видимо, не нуждались. На горшках того времени или на черепках от них ни разу не приходилось встретить рисунка животного, растения. Гончару был больше по душе простой орнамент (узор) из точек, зубчиков, отпечатков ногтя и т. д.

Так вот какие предметы мы находим на дюнах.

Если бы нам удалось Ахтубинские или Ерусланские дюны отодвинуть в сторону, перед нами предстала бы следующая картина. Вереницей на много километров тянутся остатки древних стоянок человека, то приближаясь к современному берегу реки, то отступая от него. Стоянки небольшие, но их много, и тянутся они почти беспрерывно. Это говорит о том, что человек часто менял места стоянок: этого требовали условия жизни человека — охота, рыболовство, собирание растительной пищи, кореньев и проч.

Представим себе жизнь этих людей, 10 тысяч лет тому назад обитавших, скажем, на дюнах у нынешнего села Салтово, в Республике немцев Поволжья.

* * *

Климат, растительный и животный мир близки к современному. Мамонты, носороги, пещерные медведи и многие другие животные уже либо вымерли, либо ушли дальше к северу, вслед за отодвигавшимся ледником. Вместо них появились новые виды зверей и птиц, сходных с современными.

Перед нами несколько конусообразных шалашей легкого типа. Лето. Шалаши покрыты только берестой, травой, листьями. К зиме их укроют теплее — дерном, шкурами животных. Поселок невелик: большому многочисленному роду было бы трудно обеспечить себя пищей, одеждой и т. д. при очень низком тогда развитии орудий труда человека.

Около костра несколько женщин разделывают тушу

огромного дикого кабана. Вчера была удачная охота: на несколько дней поселок обеспечен мясом. Весело возятся в траве голые ребятишки. Не всегда бывает так. В суровой борьбе с природой и дети — деятельные члены рода. Только что они принесли к костру ворохи сучьев, а с утра уходили с матерями далеко от поселка, собирали коренья, лакомились ракушками, полевыми мышами.

Несколько в стороне от шалашей четверо мужчин за работой. Около них лежат кучи камней, кремня, костей, створок раковин, собранных жителями поселка. На плечах мужчин легкие шкуры. Длинные волосы на головах их, у затылка, перевязаны в пучек.

Один из них, высокий, жилистый, подошел к куче камней. Он долго рылся среди них, ощупывал, приглядывался к их форме, от одного булыжника даже отбил кусок, посмотрел на излом, подумал... Не подошло — бросил. Наконец, нашел то, что надо. Он собирался сделать тяжелый молот-топор и подбирал для этого очень твердый камень.

Мастер вернулся к своему привычному месту, сел прямо на песок, поровнее уложил между ног массивный плоский камень-наковальню. Небольшим кругловатым каменным пестом, „отбойником", он тщательно сбивает все неровности камня-болванки. Через некоторое время болванка достаточно выровнена, отбита, и мастер приступил к дальнейшей отделке ее. Из глиняного горшка он плеснул воды на наковальню, которая одновременно служила ему и точилом, посыпал на нее песку и ровными сильными движениями стал обтачивать о наковальню со всех сторон будущий топор.

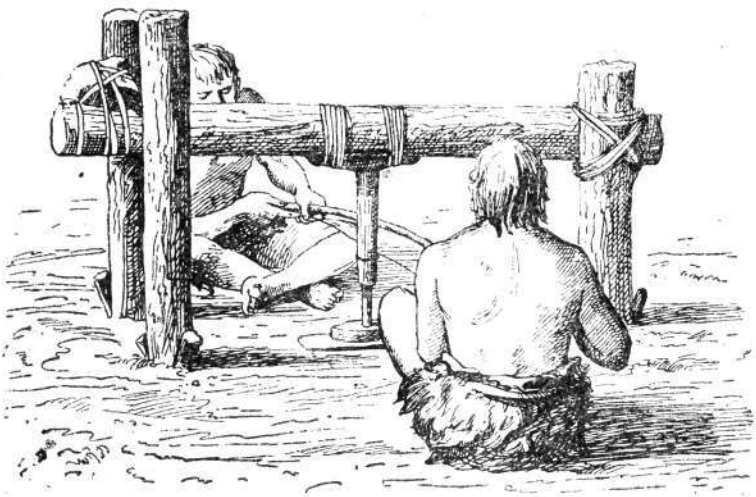
Двое других заняты у какого-то странного сооружения. Работают они, повидимому, уже давно. Вот оба встали с земли, чтоб немного размяться: они

работают все время сидя на земле. Один из них—на вид лет сорока пяти, несколько ниже среднего роста, довольно слабого телосложения. Второй тоже худощав, но моложе, лет 35, и, видимо, крепче. Изъян на его лице производил отталкивающее впечатление: нехватало всей правой половины верхней губы и крупные желтоватые зубы не могли быть прикрыты даже усами. Взгляд этого человека умный, а движения его ловки. Без ошибки можно заключить, что среди своих сородичей он один из самых смелых, отважных охотников. Об этом, видимо, говорит и тяжелый след на его лице.

Отдохнув, оба вернулись к работе. Она очень интересна и ответственна. На расстоянии около 2 метров друг от друга вбиты в землю четыре невысоких столба-стойки по два рядом—так, как если бы вбить четыре ножки для длинной и узкой скамейки. Сверху на них налегает тяжелое бревно, оно входит в прогалы каждой пары стоек, причем один конец его остается подвижным, а второй привязан к стойкам тальниковыми прутьями. Этот пресс—бревно—давил на короткую, довольно толстую палку, в нижний пустой конец которой вставлено деревянное сверло-палка толщиной в 2—3 см. Сверло уходило в каменный топор, неподвижно укрепленный колышками на земле. Мужчины работают за первобытным сверлильным станком. Безгубый и товарищ его сидели друг против друга по обе стороны топора, крепко упершись ногами в неровности почвы. Они беспрерывно то нагибались вперед, то откидывались назад, поочереди натягивая за концы веревку, сделанную из жил животных, дважды обвивавшую палку, в которую вставлено сверло. Вращаясь то в одну, то в другую сторону, сверло со скрипом, медленно, но упорно протачивало в камне отверстие. Время от времени один из мужчин при-

поднимал бревно-пресс, другой—вынимал сверло и подсыпал под него, во все углублявшееся отверстие камня, немного сырого песку. Около станка лежат несколько запасных сверл.

Вот безгубый собрался было снова подбросить песку, но, проверив пальцем глубину отверстия, раздумал. Он высвободил топор из клиньев и передал



Первобытный сверлильный станок.

его своему товарищу. Этот сунул палец в отверстие и заодно полюбовался: как хорошо, до блеска, топор отшлифован. После короткого, видимо, совещания топор перевернули, опять укрепили на старом месте, начали сверлить его с другой стороны.

Понаблюдаем немного за четвертым из этой компании. Он уже старик, но надо удивляться тому, с какой ловкостью и четкостью движутся его руки. От усердия он слегка высунул язык, который шевелится в такт движению его рук. Седые волосы немного растрепались и назойливо лезут на вспотевшее лицо.

Старик взял кремневый желвак в виде крупного яйца, очень внимательно осмотрел его со всех сторон, особенно те места, где были ноздреватые ямки в виде раковин. Одним ударом отбойника он отшиб у желвака верхушку.

По тому, как старик долго примеряется, приглядывается, как много раз он проводит ногтем по отбитой части желвака, видно, что этот кусок кремня мастеру дорог, и крошить его необдуманно он не станет. Поставив желвак на камень-наковальню отбитой частью вверх, старик ударами отбойником сверху начал отщеплять от него пластинку за пластинкой. Одни из них получались длинные, узкие, острые— их старик откладывал в группу ножей. Другие были потолще и не совсем ровные. Через некоторое время от желвака осталась только сердцевина, в виде жолудя, от которого уже трудно стало отбивать пластинки.

На выделку кремневого ножа требовалось меньше времени и труда: достаточно было удачным ударом получить пластинку, а ручка к ней—деревянная или костяная—всегда найдется. Другое дело изготовить хороший наконечник стрелы или скребок. Вот сейчас, кажется, старик собирается заняться выделкой одного из этих предметов. У него в руках маленькая кремневая пластинка, старик прижимает ее под углом к наковальне где слабее, где сильнее. От пластинки дождем отскакивают (отжимаются) мельчайшие кусочки кремня. Они с такой силой отлетают, что мастеру приходится отклонять лицо в сторону.

Кремень, несмотря на большую твердость, очень легко поддается обработке, и не надо почти никаких инструментов, чтобы кремневую пластинку с помощью отжимной техники, которую применяет старик, превратить в наконечник стрелы, шильце, скребок. Не-

19050
Горна[illegible]

даром древнейшие каменные орудия были преимущественно из кремня или из материалов, близких по своим качествам к нему.

Действительно ли употреблялся такой сверлильный станок, который здесь описан? Ни от новокаменной эпохи, ни от следующей за ней бронзовой эпохи таких станков не сохранилось. Нет даже крошечных остатков их. На каком же основании мы говорим об этих станках?

Дело в том, что сверление вручную слишком тяжело и непродуктивно. Возьмите палку диаметром в два-три сантиметра, приставьте ее к камню и начните быстро вращать то в одну, то в другую сторону между ладонями, слегка нажимая вниз. При хорошем сверле и некоторой ловкости не так уж трудно будет добыть огонь, но очень много времени и сил понадобится на то, чтобы проделать в твердом камне хотя бы крошечное углубление. Способы сверления естественно должны были совершенствоваться. В конце концов люди должны были понять, что сверло следует сделать более устойчивым, заставить его сильнее надавливать на камень, что нужен тяжелый пресс, который все время давил бы на сверло. Многовековый опыт привел людей, вероятно, именно к такому станку, который нами описан.

Мы познакомились с одним, хотя и самым важным, эпизодом из жизни людей неолита—с тем, как создавали они орудия труда. Как же вообще жили они?

Конечно, весь год проходил в трудах и заботах о всех членах рода, о пище для них, о топливе, одежде. Поселки обычно состояли из нескольких шалашей, и все население его в 20—30 человек было тесно связано между собой родственными отношениями, образуя большую семью—род. Руководителями являлись старейшие по возрасту, самые опытные из рода.

Возвращение с охоты.

Но даже руководители рода, пользовавшиеся неограниченным авторитетом и уважением за свой опыт, знания, передававшиеся ими молодым, были только равными среди равных.

Это было время, когда еще не было государства, когда все были равны и свободны, не исключая женщин. Бедных и богатых также еще не могло быть, так как хозяйство было общим и велось всем родом сообща.

Такое общество мы называем первобытным коммунистическим, доклассовым обществом, т. е. таким, когда люди еще не делились на классы или группы, из которых один пользовался бы трудом других, угнетал и эксплоатировал другой класс.

В то время как забота о безопасности, добывание мяса и рыбы было делом мужчин, женщины выполняли высокую и почетную роль в коммунистическом домашнем хозяйстве рода: они устраивали шалаши, поддерживали огонь, делали одежды из шкур, устраивали хранилища для продуктов. Женщины же собирали растительную пищу — коренья, злаки, — которая всегда нужна, даже при наличии рыбы и мяса, а при неудачах в охоте прямо-таки спасала людей от голода.

Тогда дети не знали своего отца, потому что не было еще теперешней семьи, состоящей из одного мужа и одной жены, и происхождение детей вели тогда от матерей.

Все это создавало женщине не только равное, но и высокое положение в роде. Мы называем поэтому род неолитической эпохи матриархальным родом.

Летом, конечно, жилось легче: свободнее чувствовали себя взрослые и совсем хорошо дети. Они не знали никакой одежды. Играючи, они учились у отцов выделывать топоры, стрелы, готовить силки на зайца и птицу; ясные дни проводили на берегу реки,

с визгом барахтались в воде, вылавливали вкусные ракушки, а при удаче лакомились живой рыбой. Нередко веселье прерывалось: являлась на берег какая-нибудь из матерей, прогоняла ребят за хворостом для костра или вела с собою собирать коренья и злаки.

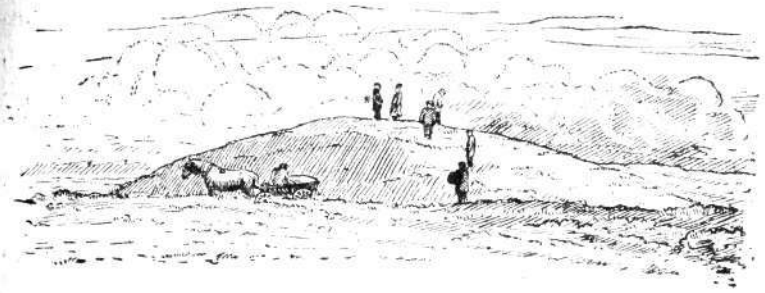
Совершенно иная картина зимой. Из-под снега не скоро разглядишь шалаши. Только вьющийся дымок и отталины вокруг отверстия в крыше показывают, что здесь человеческое жилье. Несмотря на привычку к холодам, люди кутаются в шкуры, в грубые дерюжьи ткани. Особенно плохо детям. Правда, им ничего не стоит по нескольку часов босиком и почти без одежды побыть на морозе, но нет уже летнего раздолья. Грудные дети, укутанные в шкуры, лежат в самом теплом углу шалаша и сосут кусочки печенки.

657417

Не раз, наверное, случалось, что зимой приходилось голодать: не всегда удавалось заготовить за лето достаточных запасов сушеной рыбы, мяса, ягод и диких плодов. И человек считал тогда, что это злые духи обрушились на него. К тому времени, которое мы описываем, у людей не было религии. Тогда для человека, бессильного в борьбе с природой, весь мир представлялся лишь полным добрых и злых духов. Различными заклинаниями, жертвами, по мнению первобытного человека, надо было добиться расположения этих духов.

Человек считал, что и предки его—существа, наделенные сверхестественной силой, и они проявляли эту силу в добрых и злых делах по отношению к роду. На той именно самой низкой ступени развития человека создалась и вера в существование загробного мира. Люди думали, что и „на том свете" умерший будет жить точно так же, как на земле; ему пона-

добятся и шалаш, и костер, и оружие, и посуда. Поэтому умершего относили подальше в сторону, клали на землю или в неглубокую яму. Над ним сооружали небольшой шалаш, в котором располагали около покойника посуду с пищей, стрелы и др. вещи. Все это погребальное сооружение засыпалось землей.



КУРГАНЫ.

Нижнее Поволжье—интересный, разнообразный край. Природа, раскидывая где пустыню, где степи, где леса, здесь как будто нарочно соединила все это вместе: хороши Сурские леса, где вековые корабельные сосны настолько высоки, что шапка валится с головы, когда смотришь на их вершины. Хороши зеленые долины Хопра; без конца можно любоваться ими. А степи, бескрайние степи Калмыкии, где взгляд теряется в бесконечной дали! Вьется волнистая лента дороги. Впереди близко и далеко маячат цепи курганов, разбросанных по гребням увалов. В знойные дни, когда как бы переливается воздух и горизонт затянут дымкой марева, курганы будто шевелятся, то разбухая, то уменьшаясь.

С самых высоких курганов видно на 20—30 километров кругом. А с курганов „Три брата" в очень ясные дни, как говорят, виден даже Эльбрус. Недаром так любят курганы степные орлы. Отсюда высматривают они, где бы и чем поживиться.

Лет 100—200 тому назад и раньше курганы использовались как сторожевые вышки. Во время гражданской войны курганы являлись наблюдательными пунк-

тами, на них устраивались пулеметные гнезда, траншеи. Так было на курганах в окрестностях Саратова, по дороге на с. Рыбушку, и на курганах, раскинутых на пути от г. Энгельса к Уральску, там, где проходила славная чапаевская дивизия.

Вокруг больших курганов, точно цыплята вокруг наседки, ютятся маленькие. Их иногда можно насчитать сотни. Люди часто принимают эти маленькие курганы за естественные холмики.

Никто не помнит, когда насыпаны курганы, над кем они насыпаны. Вокруг них создаются всякие легенды. Раньше многие были уверены в том, что в курганах зарыто золото, и находились до революции ловкие люди, которые использовали эти отсталые представления. Они писали так называемые „кладовые записи", в которых описывался какой-нибудь клад, указывалось, где он зарыт и как его взять. Эти записи продавались охотникам до большой, скорой наживы. И не мало курганов изуродовано такими кладоискателями.

Нижнее Поволжье очень богато курганами. Они остались от разных времен. Ознакомимся с самыми древними из них.

Жители столицы Республики немцев Поволжья— г. Энгельса, не раз, вероятно, прогуливались за город мимо мясокомбината, к тому месту, где речка Саратовка впадает в Волгу. Если подняться здесь от самого берега речки Саратовки по склону наверх, мы попадем на древнее-древнее кладбище: ему не меньше 4000 лет. На большом участке этого кладбища разбросаны земляные насыпи—курганы.

Это очень интересная работа—исследование курганов.

Снег еще не совсем сошел в поле, на ноги липнет сырая земля, а мы, молодые студенты, уже собира-

емся на раскопки. Ранним утром, обещавшим нам прекрасный солнечный день, с котомками, лопатами, чайниками и палаткой двинулись мы к речке Саратовке. К 8 часам утра добрались до курганов, раскинули палатку, воткнули в землю лопаты, кирку и, оживленные, бодрые, переходили от одного кургана к другому.

Всего их здесь побольше десятка. Они в беспорядке разбросаны на сравнительно небольшом участке. Часть из них близко примыкает к обрыву берега Саратовки. В самих насыпях курганов чувствуется глубокая древность. Ряд тысячелетий должен был пройти для того, чтобы ветры, дожди и вешние воды совершенно сгладили выемки вокруг курганов, из которых когда-то бралась земля для сооружения могильного холма, а курганы стали расплывшимися, невысокими. Вот этот как будто лучше всех: не так высок, и форма насыпи отчетливее. Остановились на нем. Один из студентов, впервые участвовавший в раскопках, немедленно взобрался на макушку кургана и уже воткнул в землю лопату.

„Так нельзя,—остановил его профессор,—мы явились сюда не просто разрывать курган, а исследовать его. Поэтому нужно соблюдать известные правила в работе. Иначе наши раскопки немногим будут отличаться от кладоискательского рытья". Сконфуженный студент моментально скатился с насыпи.

И, прежде чем выбросить первый ком земли, мы рулеткой определили диаметр и высоту кургана. Затем выбрали в центре насыпи ровное и свободное от травы местечко, положили на него компас, провели от него две бороздки, направленные точно по странам света. Полученный таким образом крест обвели большим квадратом.

Подготовительная работа закончилась тем, что

студент сфотографировал курган вместе с нами (один курган на снимке был бы мало заметен), а профессор записал в дневник:

... Мая 1923 г. Город Покровск (теперь Энгельс). Северо-восточная курганная группа. Курган № 4. Диаметр 24 м., высота — 80 см.

Начали копать. Первые минуты работа шла не совсем гладко. Одни торопливо вдавливали лопату в почву, другие отрезали непомерно большие куски земли. Слышится тяжелое, порывистое дыхание землекопов, а по лицам потекли струйки пота. Но уже через час лопаты вскидываются точно по счету.

Профессор, раскурив неизменную трубку, вперевалочку шагал по курганному полю. Он шел, изредка подергивая головой и по привычке то приглядывался к курганным насыпям, то внимательно осматривал все вокруг себя и поддевал концом трости каждый подозрительный камешек, каждый обломок кости или черепка.

Вот он, взглянув на часы, поспешно возвращается к раскапываемому кургану. По его подсчетам, один слой на глубину лопаты должен быть уже снят.

Раскопка кургана не такая простая работа, как может показаться на первый взгляд. Каждый курган — это очень интересная книжка, где нет ни одной лишней фразы, ни одного лишнего слова. Попробуйте из книги вырвать несколько страниц или читать книгу, как говорят, „с пятого на десятое", — у вас не получится полного впечатления от книги, она теряет свою ценность, становится малопонятной. Для того, чтобы вскрытый курган явился полноценным документом для науки, насыпь его вскрывают слой за слоем, как бы перелистывая одну страницу за другой и внимательно вглядываясь в каждый слой: нет ли там чего.

Вот и в данном случае, на глубине всего 45 сантиметров открылось погребение маленького ребенка. Кости его сильно истлели, ничего кроме двух глиняных горшочков, и то с отбитыми днищами, в этой могиле не было. Курган был насыпан не для этого покойника: он лежал всего на глубине 45 см в то время, как высота кургана составляла 80 см. Детское погребение, как принято говорить, было впускным. Родители ребенка не захотели рыть для него отдельной могилы и похоронили его в насыпи чужого кургана.

Глубже оказалось второе, тоже впускное погребение. Здесь лежали кости взрослого человека. Они так были перемешаны сусликами, что трудно было выяснить: лежа ли был похоронен умерший или сидя. Могилу в свое время прикрыли сверху прутьями. От времени прутья сгнили, поломались и перемешались с костями человека. Но и не для этого покойника был насыпан курган.

Когда прорыли насыпь до глины, на глубину около одного метра от вершины кургана, обнаружилась третья могила. Она была овальной формы, около двух метров в длину и 1½ метра шириной. В могиле лежал костяк мужчины на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, ноги его были согнуты в коленях, оттого кости их распались в стороны. Кости эти так истлели, что при попытке поднять их они рассыпались. Умерший был густо покрыт красной краской, ее было много на костях, особенно на лбу, локтях и коленах; на дне могилы она выделялась в сырой глине яркими пятнами. У головы и в ногах покойника лежали угольки и, кроме того, кусочки извести.

На дне могилы хорошо сохранились следы инструмента, которым рыли ее: это была узкая, вероятно, деревянная лопата или кирка. Для этого умершего

и был насыпан курган. А жил он, примерно, 5000 лет тому назад.

Такого рода курганы называют памятниками „ямной культуры": могилы в них похожи на ямы, они овальные, а не прямоугольные, в отличие от других, более поздних курганов.

Люди „ямной культуры" жили по всему Нижнему Поволжью. В 1933 году проф. Рыковым были вскрыты курганы этого времени и на юге Поволжья, в Калмыкии, в частности около бывшего монастыря „Чере-Хурул".

* * *

О чем же говорят нам эти древнейшие курганы? Они показывают, что человек Нижнего Поволжья этого времени, то есть 6—5 тысяч лет тому назад, уже далеко ушел в своем развитии от человека новокаменной эпохи, жившего тут 10—8 тысяч лет назад. Правда, очень мало вещей бывает в могилах этого времени. По словам проф. П. С. Рыкова, в тринадцати курганах „ямной культуры" найдено пока не больше двух десятков предметов.

Но это был переход к очень сильному развитию техники хозяйства древнего человека, а следовательно, и к усложнению отношений людей друг к другу в процессе их производственной деятельности.

Едва зародившееся в новокаменную эпоху приручение диких животных — сперва собаки, затем коровы, овцы--получает в описываемое нами время большое развитие, и люди--рыболовы, охотники становятся теперь постепенно и скотоводами, а еще позднее и земледельцами.

У человека „ямной культуры" появился металл: в „ямных" могилах встречаются, наряду с костяными и каменными орудиями, также медные ножи.

Откуда взялись медные изделия у этих людей? По-видимому, их занесли сюда люди с богатого металлами Урала, кочевавшие и постепенно добравшиеся до Поволжья. Ведь народности Нижнего Поволжья не были отгорожены от соседних племен, хотя и жили тогда очень замкнутыми родами. Могло быть и так, что среди древних жителей Поволжья находились отдельные, хоть и редкие люди-охотники, которые уходили далеко, не боясь покинуть на время свой коллектив. Забрав с собою все необходимое — дубину, копье, топор, лук со стрелами, положив в сумку, сделанную из шкуры зверей, запас пищи, огневой прибор, кремневый нож, они пускались в дальний путь. Они шли степными просторами, глухими лесами, чутко прислушиваясь к шороху в траве, к треску в кустах, и, может быть, добредали до самых мест рудных разработок. Через их руки куски руды или готовые изделия из меди могли попадать в далекие районы, на Волгу.

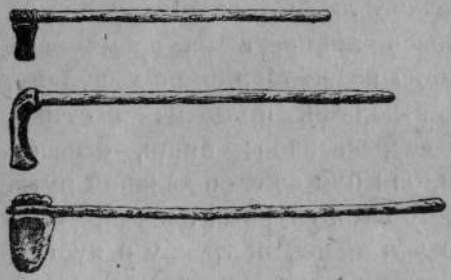
Первая ласточка, как говорится, не делает весны. Первые металлические орудия еще не создали новой эпохи. Вследствие своей мягкости медь в чистом виде еще не могла широко применяться, да и трудно было доставать медь в таких отдаленных от месторождений руды районах.

Но постепенно человек научился плавить медь, прибавляя к ней олово, свинец, цинк или железо. Создались условия для обмена между родами, и этот металл получает широкое распространение и большое значение. Пока же основной производственный инвентарь еще составляют каменные, кремневые, костяные и деревянные орудия.

Это уже было начало новой — бронзовой — эпохи, которая сменила новокаменную 6—4 тыс. лет тому назад и продолжалась сама всего около 2 тысяч лет.

В хозяйстве и в быту людей, живших в Нижнем Поволжье, во второй половине этой бронзовой эпохи много сходных черт с тем, что из себя представляли люди „ямной" культуры, но в то же время они по своему развитию ушли и от последних далеко вперед. Об этом говорят другие курганы.

Пройдем на противоположный конец Энгельса, к мельницам: там расположена другая группа курганов. Их здесь всего около сорока. Около 30 из них относятся ко второй половине бронзовой эпохи. Посмотрите на внешний вид курганов: одни еле заметны — можно десятки раз пройти мимо и не разглядеть их, другие — повыше. Есть и массивные курганы, достигающие 2 метров высоты. Уже внешние различия курганов указывают на какое-то неравное положение похороненных в них. Раскопки курганов полностью подтверждают это. Вот курган № 21. В нем похоронен рядовой член общества того времени. Кстати, здесь уже другое положение умерших и другая форма могил, чем у людей „ямной" культуры. Могила сама уже прямоугольная, а не овальная, на дне могилы следы травы. На нее положили умершего мужчину в позе спящего на левом боку, ноги его подогнуты под прямым углом, а кисти рук подложены под левую щеку. Перед лицом покойника поставили глиняный горшок, в виде банки, с мясной пищей. Могилу прикрыли прутьями. У входа в могилу — землянку положили покойнику запас пищи — отрубленные голову



Бронзовые кельт и вислообушный топор и каменный топор для рудных разработок эпохи бронзы.

и ноги овцы; самую тушу, видимо, съели присутствовавшие на похоронах родственники. Над могилой высыпали остатки поминального костра. И все это — могилу, мясо и костер засыпали землей, сделав небольшой холм.

А вот курган, насыпанный над могилой женщины, повидимому, из семьи вождя, руководителя рода. Ее могила гораздо больше размером и глубже. Обряд похорон ее таков же, как и мужчины в соседнем кургане: она лежала также на левом боку в позе спящей, посыпанная краской, но с нею были украшения: бронзовые, в виде спиралек, серьги, пастовые (особый сплав стекла) бусы и др., от которых остались лишь обломки. Здесь же лежала и куча костей коровы, бронзовый нож, бронзовое кольцо, глиняная посуда с пищей.

Участники похорон этой женщины не поскупились на дерево. Поперек могилы положили дубовые плахи, вдоль их прикрыли такими же плахами, а сверху еще навалили хворосту. Остатки плах и хвороста во время раскопок были хорошо видны.

Среди этих же курганов вскрыт курган, который значится под № 7. В предыдущие поездки в Энгельс мы подолгу вертелись около этого кургана, как лиса вокруг винограда. Неодолимое желание раскопать его охватывало нас. Но курган был большой: в сравнении с окружающими он выглядел богатырем, а сил для раскопок его у нас было тогда немного. И курган № 7 продолжал привлекать нас. Проходя мимо него, мы думали: „Что прячешь ты в себе? Погоди, все равно доберемся!".

И добрались. Вот что мы нашли в нем. В насыпи кургана, на глубине начиная с 5 см, в разных местах встречались нам кости овцы, зола, комки желтой глины. На глубине же 36 см от вершины найдено

первое впускное погребение, вероятно, позднего кочевника, похороненного в этом кургане всего 500—700 лет тому назад. Глубже этой могилы мы нашли остатки костра, в котором грудой лежали семь коровьих челюстей и несколько пар коровьих передних ног, а еще глубже расположена вторая могила, сверху забитая глиной. Во второй могиле торчали сгнившие столбы из осокоревого дерева, какого и теперь много растет на Волге. На дне могилы, наверное на траве, лежал костяк женщины в той же позе спящего. За затылком умершей — кости овцы. Около черепа бронзовые серьги, в ногах был поставлен небольшой глиняный грубый горшок. В шейке горшка проделаны четыре дырочки — по две с каждой стороны, а внутри его сохранились следы жира мясной пищи или крови, может быть, тех коров, которые были принесены в жертву и съедены на поминальном обеде при похоронах. В могиле сохранились следы коры, прикрывавшей костяк.

Не зря взялись мы за раскопку этого кургана: результаты ее превзошли все наши ожидания. Еще глубже нашли мы в этом кургане третью могилу. Это загробное жилище, устроенное для одного человека, было огромно. Мы были поражены при виде такой большой могилы, даже профессор от волнения каждую секунду раскуривал трубку, в которой кроме золы давно уже ничего не осталось. И ему еще не приходилось видеть подобную могилу. Длина ее 4 метра и ширина 2,5 метра. Здесь точно так же, как и во втором погребении, найдены остатки костра с костями коров. В могиле довольно хорошо сохранились остатки массивного деревянного сооружения: это — вбитые вдоль стен ее в дно почти полуметровой толщины столбы. Два таких же столба находились посреди могилы. На столбы вдоль могилы были по-

ложены три толстые деревянные слеги, а поверх их еще толстые деревянные плахи. Это сооружение возвышалось даже над уровнем почвы. Умерший похоронен в одежде из грубой ткани, от которой теперь остался только темно-коричневый тлен.

В одном углу могилы стоял большой глиняный горшок со следами засохшего жира, а рядом бронзовый, в виде ножа, наконечник небольшого копья — дротика. Перед лицом покойного лежали дудочка, сделанная из кости птичьей ноги, и маленькое бронзовое колечко. В могилу поставили (вероятно, с кумысом) деревянную чашку. При жизни умерший очень дорожил этой чашкой, он не расстался с нею и тогда, когда один бок ее выщербился; на выщербленное место наложили заплатку из согнутой вдвое бронзовой пластинки. Чаша сгнила, и от нее осталась только эта бронзовая заплатка-пластинка, а между стенками согнутой пластинки сохранились и следы дерева от самой чаши. Рядом с ней лежал бронзовый нож, а около правого плеча покойника стояло воткнутое в землю копье, острое, очень тонкой отделки. Кремневый наконечник стрелы лежал между ребрами покойника.

В могиле, несомненно, был и лук, но он, как и чашка, совершенно сгнил. Все, что есть в могиле, перенесено к покойнику из его жилища. Даже костер у могилы есть часть его домашнего костра, а деревянное сооружение могилы должно представлять собою его настоящее жилище. Из всех находившихся в могиле предметов умершему не принадлежал только один предмет — это кремневый наконечник стрелы, которым враг наповал уложил молодого вождя. Смертельно раненый, он невольно схватился рукой за поразившую его стрелу: древко выдернулось, но наконечник остался в груди. Надолго ли пережила его жена — неизвестно, но, видимо, ее могилу мы нашли

рядом с могилой мужа в том же кургане. Весь похоронный обряд ее и могила гораздо скромнее.

Все курганы того типа, какие здесь указаны, относятся ко второй половине бронзовой эпохи и называются памятниками срубной культуры. В них почти всегда имеются следы деревянных сооружений — срубов, поэтому им и дано название срубных курганов. В некоторых из них встречаются только крошечные остатки дерева или даже совсем мы не находим его, однако и могилы, и положение покойников, и вещи при них однотипны. Значит, это курганы того же времени — срубной культуры, но похоронены в них люди, занимавшие при жизни низшее положение в роде.

Прежние отношения людей внутри рода очень сильно изменились. Создалась семья, состоящая из мужа, жены, детей. Каждая семья постепенно сосредотачивает у себя уже и личное, не общеродовое имущество, а во главе такой семьи становится мужчина.

В некоторых курганах муж и жена хоронятся в отдельных могилах, хотя в том же кургане. Но есть и такие, где в одной могиле лежат и муж и жена. Такую могилу можно видеть и сейчас в одном из зал Саратовского краевого музея. В 1927 году работники музея начали вскрывать курган около г. Энгельса. Когда обнаружилась могила, решили приостановить работу и докопать курган не в поле, а в музее. Для этого всю могилу с землей и покойниками привезли в музей.

Это была сложная работа: по краям дна могилы прорыли широкую и глубокую канаву, погребенные оказались как бы на четырехугольном возвышении. На это возвышение надели четырехугольную же раму из толстых досок. Снизу под раму с могилой подложили доски, вбив их одну за другой плашмя путем

подрезывания, затем сбили эти доски с рамой гвоздями. Получился ящик, в котором, вместе с землей, лежали костяки и вещи погребенных. Ящик забили затем досками и сверху, и в таком виде с большим трудом могилу перевезли в музей. Здесь была продолжена раскопка. Могила-„вырезка" представляет собою один из ценнейших экспонатов музея. Таких „вырезок" в музеях Советского Союза немного, и среди них находящаяся в Саратовском музее — одна из лучших.

Двойное погребение.

В этой могиле лежат, в обычной для срубных могил позе спящих, лицом друг к другу костяки молодых супругов — мужчины и женщины. Около них найдено много вещей — бронзовое оружие, украшения, посуда. От деревянного же сруба их могилы остались лишь гнилушки.

В курганах около Аткарска вскрыта срубная могила, в которой была похоронена даже целая семья: муж, жена, ребенок, повидимому, умершие от какой-нибудь эпидемии.

Много еще таких похожих друг на друга курганов на Хопре, Медведице, Узе и в других местах. Все они — остатки бронзовой эпохи, памятники людей, живших 2—3 тысячи лет тому назад в северной части Нижнего Поволжья.

У этих людей род уже переставал быть большой коммунистической семьей, в которой все члены ее были равны и владели общим имуществом. Внутри рода появились, повторяем, маленькие семьи, и у

этих семей начала складываться частная собственность, личное имущество. Семья работала на себя, и для себя, и лишь некоторые работы выполнялись всем большим коллективом. Прежде всего стали накапливать и приумножать личную собственность вожди рода, руководители их. Остатки их-то, повидимому, мы и находим в более богатых погребениях в курганах.

Есть еще другие памятники этого времени, кроме курганов — это места древних поселений или, как называют их, селища. В Саратовском крае селищ обнаружено довольно много. Располагаются они обычно вдоль рек, ручьев, на береговых склонах, под защитой от холодных зимних ветров. Внешних признаков, по которым селище можно было бы узнать издали, нет. Чаще всего это ровное место. Обнаруживается селище иногда благодаря тому, что эта местность распахивается под посев или перерезается оврагом.

На селищах мы находим только мусор и редко-редко встретим целое орудие. И понятно почему — ведь люди, переселяясь с одного места на другое, уносили все нужное с собой. Если мы и встречаем на селищах целые предметы, то это случайно утерянные когда-то человеком.

Зато на селищах сохраняются остатки жилищ-землянок, грубо срубленных изб. Здесь же встречаются иногда в большом количестве кости домашних животных — коровы, овцы, свиньи и птицы: кур, гусей, уток, иногда остатки разбитой посуды. Таким образом, селища и курганы дополняют друг друга при изучении жизни людей того времени.

Одно такое селище, так называемое Покровское селище, расположено у г. Энгельса, там, где и до сих пор находится заброшенный глиняный карьер. Спустившись в этот карьер, идя вдоль его обрывов,

в стенке, между глиной и верхним почвенным слоем вы увидите „культурный слой", т. е. тот слой мусора, золы, костей животных, черепков, отбросов, перемешанных с землей, который накопился за время пребывания здесь людей. Толщина культурного слоя в разных местах не одинакова — от 25 до 50 см. По толщине этого слоя можно судить, как долго люди жили на этом месте. Если такие культурные слои встречаются один над другим, мы устанавливаем, что в разное время тут было два или больше селений. Изредка при раскопках селища можно встретить костяное шильце, медный нож или какой-либо предмет.

На Покровском селище поселки существовали много раз на протяжении нескольких тысяч лет. Первое поселение возникло в самом начале бронзовой эпохи, т. е. около 4—5 тысяч лет тому назад.

Не менее интересно селище возле нынешнего города Аткарска, на левом берегу реки Медведицы. Сейчас от этого селища осталось немного, потому что берег под ним обваливается, особенно весной. До сих пор сохранилась окраина этого древнего поселка. Основная же часть его располагалась ниже, вдоль исчезнувшего, обвалившегося теперь берегового склона.

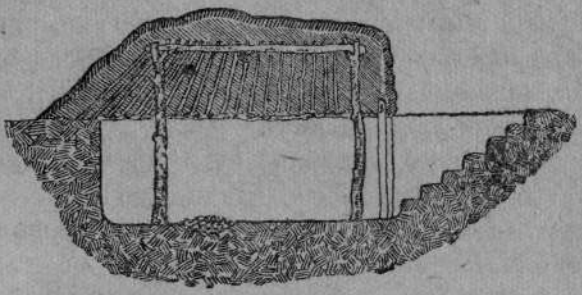
На этом селище найдены остатки жилища бронзовой эпохи. Это была землянка со входом с южной стороны и спуском в несколько ступеней. Площадь пола ее 3,6 м × 2,65 м, а глубина избушки от поверхности земли — 1,20 м.

Сохранились ямки, в которых стояли столбы, подпиравшие крышу жилища, и углубление в землянке для очага: в нем лежали камни, зола, уголь и кости животных. Таких землянок в поселке было, вероятно, не меньше 10, а весь поселок был окружен плетневой изгородью.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
657417

Очень интересно селище, открытое около г. Сталинграда: в одной из раскопанных там землянок оказалось рассыпанным просо.

Люди вели тогда уже примитивное мотыжное земледелие. Об этом нам говорят и другие интересные находки, как, например, древние бронзовые серпы, косы, которыми убирали хлеб, а также зернотерки,



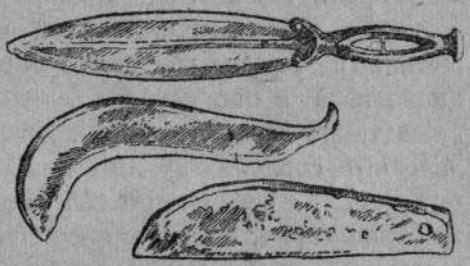
Землянка в поселке бронзовой эпохи (в разрезе).

жернова. Недалеко от станции „Лысые горы" найдена прекрасной сохранности ручная мельница, состоящая из двух круглых плоских камней, продырявленных в центре насквозь. Это очень редкая находка.

Ряд находок говорит о таком интересном факте, что бронзовые орудия могли попадать в Нижнее Поволжье не только путем обмена с другими родами, жившими ближе к Уралу, у рудных месторождений, но делались из приобретенной где-то руды и здесь.

В Саратовском крае была найдена куча бронзовых вещей, зарытых в землю около 2900 лет тому назад, в самом конце бронзовой эпохи. Их нашел крестьянин села Сосновой Мазы, Алексей Тимофеевич Токарев с братом в Кучугурах, километрах в 3-х от села Сосновой Мазы. На месте находки не осталось остатков древнего поселения — селища; видимо, вещи были на-

меренно закопаны их владельцем. Большая часть клада поступила в Московский исторический музей. Клад содержал в себе: 30 целых и пять сломаных кос, пять кинжалов, три кельта (особые топоры в виде долот), одно долото, куски меди. Один кинжал, коса и кусок меди из этого клада переданы в Саратовский краевой музей. Сосновомазинский клад получил мировую известность.



Серп, коса и кинжал из сосновомазинского клада.

Неизвестно, по какой причине древний кузнец зарыл эти вещи, и почему он выбрал для этого место вдали от того поселения, в котором жил. Конечно, не из каприза и не для того, чтобы кто-нибудь потом нашел их. Возможно, что на поселок готовилось нападение, и кузнец бежал, зарыв свое богатство. Оборудование же мастерской: формы, тигли, каменные зубила, точильные бруски остались в поселке. Для мастера оно, повидимому, стоило дешевле металла, иначе он постарался бы спрятать и его. А может быть где-нибудь и спрятал?

Сосновомазинский клад, бронзовый топор, найденный в 1916 году на одном из хвалынских селищ, говорят о том, что где-то в районе Хвалынска в бронзовую эпоху люди обрабатывали металл.

3 ТЫСЯЧИ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД У АТКАРСКА.

Перенесемся теперь мысленно на две-три тысячи лет назад в поселок людей бронзовой эпохи. Пусть это будет тот поселок, следы которого находим

мы теперь вблизи города Аткарска в Саратовском крае.

Чуть-чуть забрезжило августовское утро. Выпавшая за ночь роса поднимается туманом. Ширясь и густея, туман непроницаемой пеленой застилает окрестности. Путник, пробирающийся по тропинке берегового склона, зашагал осторожнее. Он вглядывается в туман, прислушивается. Справа, где-то внизу, плескалась вода. Слева расплывчатой массой темнел склон. Путник не боялся сбиться с дороги: привычная тропинка вела к поселку. Но туман портил настроение: глаза точно завязали в нем. Впереди послышался отдаленный собачий лай. Человек ободрился и зашагал быстрее. К собачьему лаю начали присоединяться мычание коров, блеяние овец. Неожиданно из тумана выплыла и плетневая изгородь.

Когда путник приблизился к поселку, ворота изгороди, окружавшей поселок, открылись, пропуская скот. Впереди шел пастух. Он в меховой шапке, овчине и лаптях. На плече его здоровенная дубина. Пастух сначала подозрительно оглядел приближающегося к воротам путника, но, узнав в нем сородича, тотчас успокоился.

Блеснуло солнце, туман начал быстро рассеиваться. Резче стали видны очертания жилищ. Вдали показался противоположный берег реки.

Пришелец направился к одной из землянок и сбросил у входа в нее сумку, двух убитых зайцев, подвесил к столбику колчан со стрелами и лук, прислонил к стене дубину. Семья его уже на ногах. Хозяйка возилась около костра, занятая приготовлением пищи. Вчера вечером она не прикрыла остатки костра камнями и корой, и ночная роса заглушила тлевшие угли. Теперь она должна снова добыть огонь.

Перед ней лежала дощечка с обуглившимися ям-

ками. В одну из них женщина положила несколько песчинок, сбоку укрепила кусочек трута, затем вставила в ямку тонкое деревянное сверло, вокруг которого обмотала один раз тетиву маленького лука. Потом она взяла в левую руку бараний альчик, положила его углублением наружу на ладонь и придавила им сверху сверло. Правой рукой быстро и сильно она стала двигать лук то в одну то в другую сторону. Сверло со свистом завертелось, продалбливая дерево. Лицо женщины от напряжения вспотело, покраснело. Наконец, из-под сверла показались небольшие клубки дыма. Наступил самый важный момент: надо было продолжать сверлить и в то же время дуть под сверло, выбивая искру на трут. Женщина раскашлялась от едкого дыма. Глаза ее заслезились. Тогда муж пришел ей на помощь. Через минуту она встала с колен и, облегченно разогнув спину, принялась раздувать горящий трут, сунув его в хворост и сухой мох, приготовленный для костра. Еще через несколько минут костер запылал. Хозяйка поставила близко возле него горшок с водой, пшеном и кусочками мяса и принялась разделывать зайца — свежую добычу.

Муж ее выглядел усталым; за двое суток он проделал длинный путь: по поручению вождя и старейшин рода он с двумя товарищами ходил вверх по Медведице искать новое место для поселения. Надо было переносить свои посевы на другое место. Тут земля стала давать совсем мало проса. Она служила им уже несколько лет. На обратном пути, увлекшись погоней за зайцами, он отошел далеко в сторону от своих спутников и вынужден был поэтому один возвращаться домой. Пока женщина возилась у костра, муж ее, сидя в стороне, в полудремоте молча наблюдал за ней.

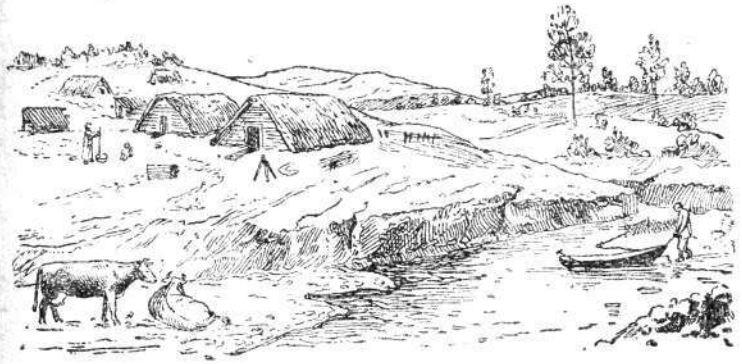
Женщина одета в длинную, белую рубаху, расши-

тую красными и синими шерстяными нитками по плечам, у ворота и по подолу, и подпоясана цветным шерстяным поясом с костяной пряжкой. Ворот рубахи застегнут костяной пуговицей в виде маленького цилиндра. Руки ее украшают бронзовые браслеты. На груди лежит массивное ожерелье из зубов медведя, а голова охвачена шерстяным венчикам, по бокам которого, у висков, свисают бронзовые подвески.

...Запахло жареным зайцем. Из двери землянки высунулась косматая голова девочки лет семи. Через секунду девочка была уже у костра; пожимаясь от легкой прохлады, она совсем близко подсела к огню. На ней была только грязная рубашонка. Вслед за ней к костру вперевалку зашагал мальчик лет пяти. Этот был совсем нагишом. Оба ребенка уставились на горшок с похлебкой и зайца: очень хотелось есть. Наконец, завтрак готов. Мать с почтением поставила горшок у ног отца, который стал с жадностью есть деревянной ложкой, чавкая и утирая губы и усы рукой. Затем он отстранил горшок, предоставив его в распоряжение детей, а сам принялся за зайца. Но сон так клонил его голову, что с костью в руке он задремал, потом лег тут же на бок и захрапел. Мать и дети уселись вокруг похлебки. После завтрака девочка отправилась собирать хворост, а малыш, вооружившись игрушечным луком, побежал к своим товарищам. Скоро у самого берега реки послышались крики и визг детей: шла игра в охотников.

Мать перетерла посуду травой, присела отдохнуть. Но отдыхать долго нельзя. Вот она уже принялась снова за работу, оставленную вчера. У входа в землянку воткнута палка с развилиной на конце. В развилине торчал большой клок пушистой шерсти, от которой тянулся тонкий хвост, переходящий затем в нитку. Этой нитки уже много было намотано

на деревянную палочку—веретено. На нижний конец веретена надето большое глиняное колесико. Женщина уселась поудобнее, послюнявленными пальцами левой руки уцепилась за торчащий хвост клока шерсти и начала растягивать его и ссучивать в тонкую, тонкую полоску. Правая рука ее быстро вращала висящее веретено. Полоска становилась все длиннее,



Поселок у Аткарска 3 тыс. лет тому назад. (Восстановлен по находкам на селище у Аткарска).

ссучивалась в нитку и затем сматывалась пряхой на веретено. Скучная, однообразная работа потянулась на долгие часы. Надо было много ниток, чтобы соткать потом материю на одежду своей семье.

Девочка выполняла уже другую порученную ей работу. Она поставила на костер недавно вылепленные матерью горшки, просохшие на крыше землянки, и обложила их хворостом. Костер запылал. Языки пламени лизали стенки горшков. Там, где глины касалось яркое пламя—оставалось красное пятно, где касалось его тусклое дымящее пламя, образовывалось темное закопченное пятно. Девочка с матерью лепили эту посуду.

Это было несколько дней тому назад. На берегу речки мать разминала на камне куски глины и про-

ворными пальцами, смачивая их водой, выводила стенки горшка, то поворачивая его на камне, то обходя вокруг. Эта работа ей нравилась, и женщина все свое уменье, весь свой вкус вкладывала в нее. Один горшок получился с прямыми стенками, гладкий. В краю его с обеих сторон мать проткнула палочкой по две дырочки рядом. Девочка понимала, зачем эти дырочки: в них проденут веревочную ручку. Другой горшок получился с острыми плечиками, и краешки его были аккуратно загнуты наружу. Мать особенно старательно выделывала его и обглаживала. Затем створкой раковины она выдавливала на боках горшка рисунок, состоящий из двух рядов ломаных линий. Мать отдыхала за этой грязной, но спокойной и легкой работой. Наверно поэтому она тихонько запела. Это была монотонная песня, несколько грустная, почти без слов.

Девочка тоже лепила из глины крошечную игрушечную посуду. Заодно смастерила она и фигурки человека, коровы, поросенка, но только ей одной были понятны эти фигурки: у коровы что голова, что хвост были совсем одинаковы. Отличие состояло только в том, что на голове торчали два громадных в половину самой коровы рога.

Сейчас девочка сидела у костра, наблюдая за ним: и ее посуда, корова, свинья и человек должны также хорошо обжигаться. Стало совсем жарко. Примолкли ребячьи голоса у реки.

Спит еще отец. Никто не тревожит его сон. Ему вместе с другими мужчинами своего и соседних поселков предстоит на-днях большая и тяжелая работа. Надо перебраться всем родом на новое место. Так решили старейшины рода. Но это еще не так трудно. Собрать весь несложный скарб, погрузить семью на двухколесную телегу, прогнать немногочисленное стадо на новое место—дело пустяковое. Главное—за-

строить такими же вот землянками новое поселение. А еще труднее запахать новые поля. Это—работа всего коллектива, в ней объединяются все члены рода, живущие в нескольких небольших, близко расположенных друг от друга селеньях, каждое поближе к своим полям.

Каменными огромными топорами надо будет вырубать лес, выкорчевывать пни, а всю оставшуюся поросль сжечь. После этого надо перекопать или вспахать землю, смешав ее с золой. Небольшие пашни обрабатывались либо простым деревянным клином, либо сохой: это большой сук дерева, короткий конец которого заострен, а длинный служил оглоблей, куда под ярмом впрягали быков или коров.

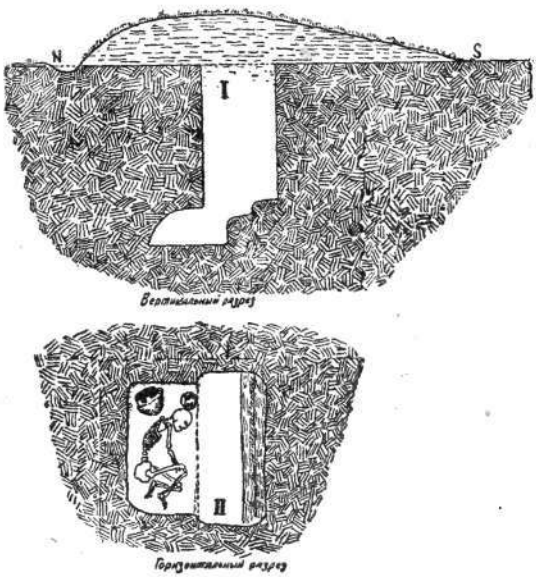
И эта соха и прялка, на которой женщина сучила нитки, были прародителями той сохи и прялки, которые, лишь немного усовершенствовав, через века пронесли отсталые нищие деревни „матушки" России вплоть до самой Октябрьской революции, поставившей на смену сохе трактор и комбайн.

В СТЕПЯХ ПОВОЛЖЬЯ.

Теперь познакомимся с тем, как в это же самое время жили люди в степях современной Калмыкии, на юге Нижнего Поволжья.

И здесь мы находим курганы ямной культуры. Реже встречаются погребения срубной культуры, хотя часто без всяких признаков в могиле деревянного сооружения (ведь леса в степях мало), но в остальном с теми же признаками их. Это значит, что люди не были отгорожены друг от друга каменной стеной. Сюда проникали они из северной части Поволжья, принося с собой свой уклад, обычаи, свои предметы обихода.

Но для степей Поволжья характерны не эти погребения, а катакомбы. В такой могиле — катакомбе, у самого дна, в одной из стенок вырывалась глубокая ниша, вроде пещеры или катакомбы, туда втискивался покойник, которого тоже клали на бок. С ним ставили глиняную посуду. Посуда эта по качеству гораздо лучше одновременной ей посуды из сруб-



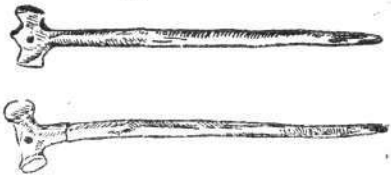
Катакомбное погребение.

ных курганов северной части Нижнего Поволжья: она хотя и ручной лепки, но тонкостенная, изящная, хорошо обожжена, хорошо отформована и очень часто сплошь украшена красивым узором, нанесенным веревочкой.

Среди посуды в этих могилах часто встречается особый предмет, какого в курганах на севере мы никогда не встречали: это невысокая ваза на ножке, с каким-то маленьким отделением у одного края. На-

значение их до сих пор не выяснено. Считают, что на них во время совершения религиозных обрядов „курили" смолу. При некоторых покойниках встречались прекрасные костяные булавки, бронзовые ножи, костяные бусы.

А при только что закончившихся раскопках курганов найден целый набор рабочих инструментов: каменные наковальни, молотки, каменные же станочки для шлифовки древних стрел, кремневые желваки и пластинки, положенные с погребенным в могилу в качестве сырья для выделки орудий.



Костяные булавки кочевников из катакомбной могилы.

Люди катакомбной культуры жили в кибитках, и главное богатство их составлял скот. Это уже были кочевники-скотоводы; скот одевал и обувал их, давал им пищу и материал для одежды; шерсть, шкуры и войлок служили предметом выгодного обмена.

Костяная пряжка, бронзовые браслет и серьга.

Бывали хорошие годы, когда стада умножались во много раз. Но бывали и такие годы, когда скот погибал целыми гуртами от зимней бескормицы. Это случалось тогда, когда трава покрывалась твердой ледяной коркой, и скот с трудом мог пробивать эту корку копытами. В такие годы прекращалось веселье: не было скачек, песен, плясок. В каждой кибитке царили

тоска и уныние, учитывался каждый кусок баранины. В такие годы особенно плохо чувствовали себя старики и больные: помочь родным они ничем не могли. Здоровые радовались, что умирал больной. И не раз, вероятно, случалось, что какой-нибудь старик добровольно позволял убивать себя. В катакомбе одного кургана, возле города Элисты, лежали кости старика, который был, вероятно, убит как лишний человек. Уже по возрасту при жизни он не был способен к сколько-нибудь серьезному труду. Кроме того, он был калекой: левая нога его в бедре приросла к тазу, поэтому старик ходил с трудом. Затем у него заболели обе ноги: вероятно, это была гангрена. Около колен сгнили мускулы, оттого начали портиться и кости. Старик представлял собою живой труп. Родственники разом отделались от этого старика, одним ударом каменного топора проломив ему затылок.

Так, по крайней мере, можно рассказать на основании остатков костей о последних днях этого старика, жившего около 3000 лет тому назад в окрестностях города Элисты.

„ТРИ БРАТА".

После людей, хоронивших своих покойников в „катакомбных" могилах, на юге, в степях Нижнего Поволжья, в современной Калмыкии жили другие пастушеские племена, от которых до нашего времени сохранилось много курганов. Большинство их мелкие, но некоторые достигают 10 метров высотой. Это уже громадины. Об одном из таких курганов я сейчас расскажу.

Самая замечательная раскопка, какая происходила в Калмыкии в 1934—1936 годах — это раскопка двух громадных курганов из трех, которые среди ме-

стного населения известны под именем „Три брата". Много легенд рассказывалось об этих курганах. В народе говорили, будто в них зарыты богатыри на конях все в золоте и серебре.

Раскопка первого, самого большого кургана продолжалась в течение трех лет. Его рыли не сверху, а сбоку, широким коридором шириной 13 метров. В первый год на раскопку этого кургана потратили 45 дней и сделали приблизительно половину намеченной работы. В 1935 году на кургане мы проработали уже 56 дней. Чтобы добраться до центра кургана, пришлось снять несколько тысяч кубометров земли. Она беспрерывно отвозилась из коридора на подводах, тачках в огромный ров, который окружал курган.

За время работ на раскопках нас беспрерывно посещали гости и на машинах, и на подводах, и верхами, и пешком. Элиста, кажется, вся перебывала у нас. На раскопках открылся настоящий полевой музей. Приятно было видеть интерес приезжавших к раскопкам. Особенно нравилось посещение нашего лагеря пионерами. Вечером, когда мы заканчивали работу, они цветистой толпой издалека, с полей направлялись к нам. Загорелые, усталые (собирали колосья за жнейками), они усаживались полукругом перед входом палатки и слушали наше полевое радио: станция имени Коминтерна угощала их то музыкой, то рассказом, то докладом.

Вернемся к кургану. 15 августа 1935 года, наконец, мы добрались до сердца кургана, и тайна одного из „Трех братьев" была отчасти открыта.

Представим себе некоторые картины одного события, связанного с историей „Большого брата".

2900 лет тому назад. Будничная трудовая жизнь племени нарушена известием о том, что старый вождь, который уже много дней лежал больным, наконец, умер.

Эту весть по приказу сына вождя и жреца разносили по становищам верховые из приближенных умершего. Ворочались в головах сородичей тяжелые думы: умер старый вождь, его заменит новый, а каков-то он будет? Вокруг жилья вождя слышался вой и причитания плакальщиц. Часть мужчин, приближенных покойного, вместе с жрецами совещались о церемониале похорон. Место похорон было известно; оно еще при жизни намечено самим вождем: могила должна быть вырыта рядом с курганом, в котором похоронен его первый сын, умерший 12 лет от роду. Отряд мужчин отправился готовить могилу.

Умершего нарядили в лучшую одежду, лицо его натерли слегка краской для того, чтобы оно не казалось таким бледным и испитым. Покойника усадили затем в крытую двухколесную повозку-арбу, запряженную двумя быками. Арба выехала на дорогу. К ней присоединились еще две такие повозки, в которых сидели жена и дети покойного. Вся процессия во главе с жрецом, взрослым сыном умершего и воинами, ехавшими на конях, медленно двинулась к ближайшему поселку. Мертвый вождь перед тем, как лечь в могилу, последний раз объезжал свои владения. Его несколько дней возили из поселка в поселок. Многие из его иноплеменников присоединились к процессии. Таким образом, когда арбы выезжали из последнего поселка к месту похорон, они оказались окруженными громадной толпой народа. Кроме того, за людьми тянулось небольшое стадо быков и овец, которых предстояло принести в жертву духам предков и дать в пищу умершему на „тот свет".

На месте похорон уже вырыта квадратная, в 2 метра, могила. Дно ее устлано кошмой и тростником. Стены обиты грубой узорчатой шерстяной тканью. Умершего положили в могилу в полусидячей позе, подло-

жив под спину и голову его для устойчивости набитый соломой бараний мех. Руки сложили ему на коленях, а ноги подогнули. Вокруг расставлены и разложены привычные покойному при жизни вещи: бронзовое копье, бронзовые же, в виде шильев, стрелы, глиняный горшочек, глиняную чашу, деревянную миску.

Когда в могиле было сделано все, что полагалось, сверху, вдоль, ее накрыли жердями, из которых был сделан остов кибиток на всех трех арбах. На жерди настлали камышевую цыновку и ткань от кибиток. Поверх всего над могилой сгрудили в разобранном виде две арбы. А части же третьей арбы были разложены так, чтобы сохранить внешний вид повозки: по углам могилы плашмя бросили колеса, между ними положили дышло с ярмом. После этого всю могилу окружили камнями, которые, налегая на концы могильного перекрытия, делали ее устойчивее. Не было камня только с западной стороны, откуда был вход в могилу-землянку. Вокруг могилы очертили круг приблизительно в 50 метров диаметром и всю эту площадь вместе с могилой стали засыпать землей.

Много народу принимало участие в этом. Много дней продолжалась работа. Землю копали деревянными кирками, деревянными ломами. Носили ее затем в камышевых кошелках, в овечьих мехах и на носилках. Чем выше поднималась насыпь, тем труднее становилось работать. Многие охотно отказались бы от этой работы, но нельзя: таков обычай. Кроме того, боялись, что умерший за неуважение к нему мог и с „того света" отомстить.

В перерывах между работой варили мясо в горшках, поедали его, а кости, начисто обглоданные и даже разбитые для того, чтобы изъять из них мозг, бросали

в насыпь. В насыпь же вскоре угодили головы и концы ног быков, которые везли к могиле одну из арб. Позже были брошены те же части второй пары быков. Когда насыпь довели до высоты в 9 метров, на самой вершине сложили кости третьей пары быков. Около них поставили большую глиняную корчагу с кровью, затем горшок поменьше, низку колец-бус, нарезанных из овечьих ног, и маленькую глиняную крытую арбу на деревянных колесах, с деревянным дышлом. Все это поверх накрыли большим плоским камнем и окружили деревянным навесом, державшимся на нескольких, вбитых вокруг жертвенного места, столбах.

По окончании работ насыпь выглядела высокой, крутой и пестрой от того, что земля перемешалась с глиной. Вокруг холма образовались широкие и глубокие ямы-рвы: оттуда брали землю для насыпи. Из года в год насыпь оседала, расползалась, уплотнялась и заростала травой. Рвы весной заполнялись водой, которая не высыхала почти все лето.

Наконец, курган принял тот вид, в каком мы нашли его к моменту раскопок.

Раскапывать курган было очень трудно: глина сильно слежалась. Но зато она прекрасно сохранила отпечатки цыновки, ткани, колес, дышла, ярма, досок и жердей.

Что удалось загипсовать, было загипсовано. Взяты целые куски глины с отпечатками цыновки и ткани.

Второй курган из „Трех братьев" раскопан в 1936 году. В целом он очень близок по времени к первому, но только победнее; насыпан он был над могилой, в которой похоронили женщину.

Результаты раскопок этих курганов, вместе с другими курганами Калмыкии, очень многое выясняют в истории этого края.

Три тысячи лет тому назад и ближе здесь жили скотоводческие роды, в которых так же, как и в земледельческих родах на юге, выделились семьи, владеющие частной собственностью. Появились вожди; это уже не прежние старейшины рода, а люди, облеченные властью, силой, использовавшие свою власть для приумножения своих богатств.

ЗАЧЕМ СТАЛИ НУЖНЫ ГОРОДИЩА.

О новых моментах в жизни людей Нижнего Поволжья мы узнаем из других памятников, сохранившихся до нас. Это — так называемые „городища" или „городки". Они возникли в самом конце бронзовой эпохи (около 2900 лет тому назад), но большая часть времени их существования приходится на железную эпоху: на некоторых городищах мы находим уже не только бронзовые, но и железные орудия.

Городок—небольшое укрепленное место, где в древности человек укрывался в случае грозившей ему опасности нападения соседнего рода. Только в одном Саратовском крае есть остатки больше тридцати таких городков, раскинутых по Волге, Медведице и Хопру. Трудно было при тогдашней технике создать хорошие укрепления. Поэтому для городка выбирали такое место, которое самой природой защищено—на мысах, то есть выступах между двумя оврагами, или на высоких буграх. Такой мыс с трех сторон уже сам по себе был мало доступен нападающему: крутые склоны его еще дополнительно срезались. Незащищенная же сторона, которая примыкала к полю, укреплялась глу-

боким и широким рвом, метра в два глубиной и три в ширину, да еще земляным валом. В валу оставался лишь проход для въезда в городище, а через ров против этого прохода перекидывался мост. На некоторых городищах сооружалось даже по 2 — 3 вала и постольку же рвов параллельно, а потом еще ставилась вокруг всего городища на валу глухая изгородь из плетня или бревен.

У Саратова, в селе Пристанном, Курдюме, Чардыме, Березняках — на Волге, возле сел Дурнынкина на Б. Карае, в с. Надеждине на реке Хопре, вдоль р. Узы, около села Мачкасс и соседних с ним всегда можно и теперь видеть эти городки.

Здесь, в приволжской полосе, общественная и хозяйственная жизнь развивалась гораздо быстрее, нежели в отдаленных от реки местах. За Волгой, в степях и вниз по Волге, дальше села Ахмат, нет ни одного городка: кочевому степному населению они не были нужны.

Каждый городок принадлежал всему роду, состоявшему из нескольких десятков или самое большее — сотни человек. Жили в городке не все, а лишь часть людей. В случае же грозившей опасности сюда сбегалось население из всех поселков рода с детьми, со скотом, со всем скарбом, запасами хлеба, орудиями.

Не всегда люди чужих родов шли сюда, чтобы грабить. Например, степняки гнали сюда скот, везли шерсть, войлок, чтобы выменять на них хлеб, берестяные короба, деревянную посуду, пеньку на одежду, т. е. то, чего сами в степях они не производили. Но если случалось, они не прочь были такой торг превратить в грабеж. А иногда степняки или соседний земледельческий же род, чтобы занять новые пастбища, луга, земли, силой выбивали с этих мест хозяев, истребляли их вождей. Ослабнет род и, побежденный, отойдет на другое место, на менее плодородные, необжитые

земли, начнет заново вырубать дремучий лес, выкорчевывать и перепахивать землю.

Победители из набега возвращались порой не только с награбленным добром: они гнали домой к себе пленных рабов: рабы—побежденные—будут работать в хозяйстве победителей, приумножать их богатства.

КАК ПОЯВИЛИСЬ ПЛЕМЕНА.

Читатель, вероятно, уже обратил внимание на то, что до сих пор мы не упоминали ни одного имени народов, которые жили в Нижнем Поволжье. Многие подосадуют на это. Но могло ли быть у первых людей, живших, скажем, возле Аткарска или на Салтовской дюне, одно имя. Каждый род жил сам по себе, замкнуто, редко сталкиваясь с другими родами.

С течением времени распался на семьи старый род, и людей стала объединять лишь земля, общая территория, которую эти семьи занимали. Кровно-родственные отношения людей стали заменяться объединениями отдельных, хозяйственно-самостоятельных групп-семей. Как говорят, создалась территориальная или соседская община.

Обороняясь против врага, защищая свои поля и скот, либо готовясь нападать на других, такие отдельные роды для успеха дела сговаривались друг с другом о помощи, заключали союзы, сначала кратковременные, потом длительные. Да и жили они в соседстве друг с другом, у них складывались общие обычаи, порядки, отличные от других, отдаленно живущих родов, создавался одинаковый язык. Так появляются племена, объединяющие несколько родов. У племени появилось и общее имя. Но имени своего племена нам не оставили, и их не приходится винить в этом: письменности у них не было, да и долго еще ее не

было у народов и потом. Известно, что некоторые народы царской России только после Великой пролетарской революции получили письменность, школу, грамоту, например—гольды, эскимосы, ненцы.

Такие народы до последнего времени, а некоторые и теперь еще пользуются вместо письменности знаками, рисунком на коре, бересте или коже.

Может быть, пользовались такими рисунками, знаками и те люди, которые жили у нас 2—3 тысячи лет назад и позже. Они делали эти знаки на коре, дереве, на бересте, отмечая ими численность своего скота, количество одолженного бедными у более богатых хлеба или принадлежность имущества, поля и т. д. тому или иному роду, семье. К сожалению, кора, кожа в курганах плохо сохраняются, и кроме трухи от них ничего не остается.

Но если сами люди, жившие в Нижнем Поволжье, не оставили нам своего имени, то о них имелись кое-какие представления у живших тогда же более культурных народов, например у греков. 3—4 тысячи лет тому назад греки и римляне имели уже очень высокую культуру — литературу, искусство и науку.

А 2400 лет тому назад на берегах Черного моря существовали греческие города-колонии. Там, между прочим, побывал древнейший греческий историк Геродот. Греков, конечно, не могло не интересовать, какие люди жили дальше побережья Черного моря.

Так вот Геродот в своих исторических книгах рассказывает, на основе преданий и рассказов, им слышанных, что когда-то на юге нашей страны жили киммерийцы. Под этим именем греки заведомо разумели много племен, среди которых, вероятно, были и те, кто в ту пору населял Нижнее Поволжье. Как знать, может быть те люди, следы которых мы находим в курганах-катакомбах или в срубных курганах, и есть

эти самые киммерийцы. Но и Геродот мало что о них знал. Он сообщает лишь, что киммерийцы жили родами и имели во главе родовых и племенных вождей. Подробно он пишет о другом племени, пришедшем после киммерийцев. По Геродоту выходит, что около VIII века до нашей эры, то есть лет 2900 назад, из Закавказья явились в степи юга нынешней РСФСР и Украины скифы. Они вытеснили отсюда киммерийцев, которые были менее культурны, слабее вооружены, поэтому не смогли оказать скифам сопротивления и покорились им. Геродот говорит, что к моменту своего прихода скифы были уже хорошо знакомы с употреблением железа.

Правда, он рассказывает, что скифы жили на всем степном пространстве между реками Истром (теперь Дунай) и Танаисом (Дон). За Танаисом к югу жил уже другой народ—савроматы, а пространство между Танаисом и Оаром или Ра (Волгой) и дальше на восток, к реке Ликосу (Уралу), по его сведениям, представляло пустыню, где не было никаких людей. Но Геродот и его современники хорошо знали только о том, что было близко от них — на небольшой полосе земли близ Черного моря, и имели очень неясное представление о том, что было дальше от них. Поэтому им и казалось, что дальше, за Волгой, была пустыня.

Мы же с вами уже знаем, что дело обстояло не так: мы находим в Нижнем Поволжье многочисленные следы человека, свидетельствующие о том, что не только во времена Геродота, но и много раньше здесь жили люди новокаменной, а затем и бронзовой эпохи.

Сейчас мы ясно представляем себе, что и скифы жили в Нижнем Поволжье, хотя их было у нас мало. Скифских курганов очень много на Северном Кавказе, на

Дону и Днепре, есть они и у нас, хотя и в меньшем количестве.

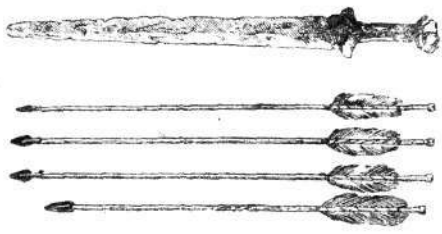
По внешнему виду скифские курганы почти не отличаются от курганов, оставленных другими народами и племенами, жившими здесь после скифов. Один такой курган мы раскопали около села Блюменфельд, в Республике немцев Поволжья. Он поразил нас величиной могилы: длина и ширина ее составляли около 5 с половиной метров. В курганной насыпи попадались крупные кости баранов, коров, лошадей, грудами лежавшие в самой могиле, по всему дну ее, и в специально вырытых неглубоких ямах.

По нашим подсчетам, здесь были кости не меньше, чем 10 баранов, 5 коров и 4—5 лошадей. Все скифские курганы говорят о том, что скифы имели коров, лошадей, баранов.

В кургане были погребены двое мужчин, лежавших почти рядом. У каждого из них когда-то висел на поясе железный короткий обоюдоострый меч. Мечи сильно проржавели и распались на куски. Но в краевом музее есть мечи и прекрасной сохранности. Присмотревшись внимательно хотя бы один раз к скифскому мечу, вы уже никогда не смешаете его с мечом других народов; рукоять его металлическая с крестовиной, напоминающей распластанные крылья бабочки, а верхушка рукоятки или прямая, в виде поперечной палочки, или загнута в форме бараньих рогов. Оба меча здесь, в могиле, лежали в деревянных ножнах, обтянутых кожей. На кончике ножен в качестве украшения укреплено по стеклянной бусинке. Слева у каждого покойника, вдоль туловища, было положено по копью; железные наконечники их были накрыты костяными футлярами. Один из этих футляров изображает пасть волка. На обратном конце древка копья были насажены железные втулки, заостренные в сво-

бодной части. Таким образом, скиф мог поражать врага и другим концом копья, не поворачивая его.

Были положены в могилу и луки и колчаны со стрелами: колчаны и луки истлели, но осталось два пучка стрел. Скифские стрелы тоже трудно смешать со стрелами других народов. Они бронзовые, чаще всего трехгранные, с маленькой втулкой, посредством которой насаживались они на тростинку или деревянную палочку. Наконец, в могиле находились еще три ременные узды, украшенные бронзовыми колечками и резными кабаньими клыками, железные ножи и костяные резные фигурки верблюда, головы дикого кабана и ряд других мелких вещей.



Скифские меч и стрелы.

В могиле имелось еще третье копье и третий пучок стрел. Значит, в ней должны бы как будто лежать три покойника. Немного выше двух умерших, в насыпи могилы, в разных местах при раскопке нашли мы разрозненные части человеческого костяка. Может быть, это и был третий покойник, которому принадлежали копье, стрелы и узда, найденные в могиле. Но раз он не был положен рядом с теми двумя, значит — он отличался чем-то от них. Это, вероятно, был один из слуг погребенных. Так бывает нередко в скифских курганах. Надо предположить, что были здесь еще какие-нибудь предметы, может быть золотые и серебряные чаши, но их не обнаружено, потому что могила эта была ограблена еще в скифское же время, может быть через несколько дней после похорон. Следы этого ограбления налицо: одна из стен могилы

изуродована. Скифские, а позже сарматские курганы мы часто находим ограбленными.

Судя по размерам могилы и вещам, найденным в ней, здесь, вероятно, были похоронены знатные скифы-воины. По костям умерших легко определить, что они были молодые и рослые.

Погребение скифских воинов.

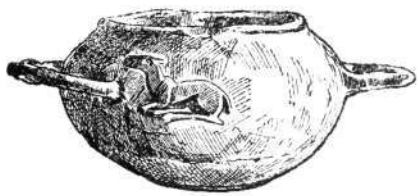
А вот более скромное скифское же погребение в небольшом кургане у села Суслы (Герцог) в АССР НП.

Всегдашние враги археолога—сурки и суслики, — проделывая свои ходы в земле, раскидали почти все кости покойника в этом кургане, на месте оставили они только голени и ступни ног похороненного. В могиле стоял простой грубый горшок, в одном месте лежали ребра лошади и нога барана, в другом — остальные кости разрубленных на части лошади и барана без черепов; недалеко от них находились однолезвийный нож, железный, удила и остатки узды, украшенной пряжками с изображением головы газели.

Скифский бронзовый котел.

И другие скифские курганы Нижнего Поволжья дают тот же обряд похорон. Пусть почти никаких вещей при покойнике не окажется, но горшок, ребро лошади, нога овцы обязательно будут и

в бедных скифских курганах. Находки в курганах и на дюнах знакомят нас с целым рядом вещей домашнего обихода скифов. Это — глиняная посуда ручной лепки, затем бронзовые литые котлы. Один из них взят из женской могилы кургана, близ села Харьковки в Республике немцев Поволжья. Вместе с котлом лежал здесь железный крюк, которым, вероятно, вылавливались из котла куски вареного мяса. На одном бронзовом сосуде, который найден не берегу Ахтубы, возле села Рахимки, дано выпуклое изображение лежащего лося. Скифы, видимо, любили вещи с изображениями зверей, иногда каких-то фантастических. В курганах Аткарского района найдены три бронзовых псалии от удил, изображающие собой какого-то дракона с шестью ногами и птичьим клювом. На ахтубинских же дюнах, около с. Болхуны, в погребении найдена золотая пластинка с отштампованной на ней фигурой дикого кабана. Около села Суслы (Герцог) в АССР НП в скифском кургане оказалась золотая бляшка от одежды, с изображением тигра или львицы.



Бронзовый котел.

Туалет скифской женщины.

О большом разнообразии предметов хозяйства скифов говорят наши находки. В одном из скифских

курганов в Калмыкии, около „Трех братьев", в могиле женщины найдено простое, но прекрасной сохранности большое бронзовое зеркало с длинной ручкой. В нашем музее хранится даже целый набор туалета, взятый из погребения скифской женщины в кургане у села Любимовки, Куйбышевского края. Это небольшой овальный столик на четырех коротких ножках, вытесанный из цельной каменной плиты, с углублением, видимо, для растирания краски, окаменелая раковина-краска, глиняный горшочек, на дне которого до сих пор еще сохранились следы истертой в тонкий порошок охры, обломки бронзового зеркала, несколько прекрасных синих бусин, золотая серьга в виде плоского колечка с подвешенным к ней на цепочке золотым же бубенчиком. Скифская женщина любила подсурьмиться, припудриться сурьмой. Ей нравилось иметь нашитые на одежде металлические блестки в виде кружочков, звездочек и бляшки с звериными фигурками, остатки которых находятся в могилах.

Ни вещи, ни кости не позволяют нам сколько-нибудь точно восстановить облик скифа. Но мы имеем изображения скифов, даже целых сцен из жизни их, на золотых и серебряных сосудах, на пластинках — украшениях, которые древне-греческие мастера, жившие в причерноморских городах, делали для скифов. Рисунок на серебряной вазе, найденной в Чертомлыцком кургане на Украине, изображает, как скиф треножит спокойно стоящего коня, на других — скиф заставляет свою лошадь опуститься на передние ноги; здесь же изображен момент укрощения необузданного дикого степного скакуна.

А вот изображения на других сосудах. Перед нами скифский вождь. Он сидит на камне, опершись руками на копье. Перед ним склонился на колени скиф-воин. Он рассказывает о чем-то вождю, может быть

делает донесение о результатах разведки. Дальше скиф натягивает лук. Для этого ему пришлось пустить в ход обе ноги и обе руки: лук слишком тугой. Третья сцена изображает, как скиф, выполняя обязанности дантиста, нащупывает пальцем руки во рту другого скифа больной зуб. Больной корчится от боли и судорожно

Рисунки на сосудах, изображающие сцены из жизни скифов.

хватается за руку лекаря. Еще одна картинка, наконец, рисует скифа, перевязывающего рану на ноге товарища.

Рисунки на этих предметах изображают скифа длинноволосым, с большой бородой; на голове его шапка в виде колпака, который накрывает голову, шею и уши. Скиф одет в короткую кожаную расшитую поддевку, в талии перехваченную кожаным ремнем с металлической пряжкой. Кожаные же широкие и длинные шаровары, сплошь расшитые цветными нитками, внизу упрятаны в мягкую обувь — сапоги, которые около щиколоток стянуты ремешком. Геродот

говорит, что в скифской земле разводили коноплю. Следовательно, одежда скифа могла изготовляться не только из шерстяной ткани, но и из полотна. Одежда из овечьей шкуры в зимнее время конечно была предпочтительней для скифа.

Что же мы можем сказать об этом народе на основе наших памятников и того, что рассказывает о нем Геродот?

Одни скифы были земледельцы, другие—скотоводы. Из военных набегов и грабежей скифы-воины возвращались с добычей, состоявшей не только в скоте, хлебе и другом имуществе. Они приводили себе и людей-рабов:

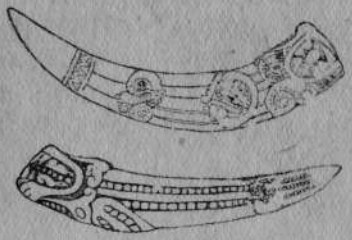
пленные рабы должны были работать на полях своих победителей, ухаживать за их скотом, рабы-мастера делали скифам домашнюю утварь, оружие. Сколько таких рабов-мастеров потеряли зрение, выделывая роскошные предметы туалета на потребу скифской знати! Для того, чтобы рабы не могли убежать и не ели того, что производят, их, как говорит Геродот, иногда ослепляли.

Мы не видели в родовом обществе, чтобы люди были владельцами людей же — рабов, как это стало у скифов. Следовательно, теперь человеческое общество сильно изменилось: в нем стали образовываться классы — угнетателей, живших за счет других, и угнетаемых, труд которых присваивается первыми.

Патриархальное родовое общество сменилось обществом рабовладельческим. К такому обществу, в самом

начальном моменте его появления, принадлежали и скифы, хотя у последних и сохранилось еще очень многое от прежнего патриархального родового общества.

Скифы, жившие в причерноморских степях, вели оживленную торговлю с греками. Предметы греческого производства проникали через них и к скифам Нижнего Поволжья. Это — предметы украшения, металлическая посуда с рисунками, костяные безделушки с резьбой.



Скифские украшения из кабаньих клыков для пояса и конской узды.

Иные предприимчивые греческие купцы пробирались со своими товарами и на Волгу за скотом, хлебом, шкурами. Есть даже предположение, что одно из греческих торговых поселений со складами товаров (фактория) было и на самой Волге, на том месте где позже, в XIV веке, был золотоордынский город Бельджамен (недалеко от современной Дубовки, Сталинградского края). В этом месте найдены древнегреческие монеты, свинцовые пломбы, часть мраморной колонны.

Но скиф и воин. Меч неизменно при нем. Меч же являлся символом бога войны, который, по словам Геродота, пользовался у скифов гораздо большим почетом, чем другие божества. На территории каждого скифского племени, в определенном месте, раскладывалась громадная куча хвороста, на вершину которой водружался длинный железный меч. Этому мечу ежегодно приносились в жертву рогатый скот и лошади. В честь его умерщвлялся каждый сотый мужчина из всего числа взятых в плен врагов. В скифском отделе краевого музея есть меч необычайного размера. Не-

смотря на отломанный конец, он и теперь имеет в длину 1 метр и 11 см. Целый он вероятно достигал полутора метров. Рядовые скифские мечи вдвое меньше. Полутораметровый меч для пехотинца совсем не удобен. Коннику он тоже не сподручен — слишком тяжелый: одной рукой действовать им трудно, а двум рукам не уместиться на рукоятке его. В музее много скифских мечей, но только один такой большой. Вероятно, этот меч когда-то был символом бога войны Арея, как по-гречески называл его Геродот, а где-то в Нижнем Поволжье был и жертвенник этого бога.

Геродот подробно рассказывает о похоронных обычаях скифов, в особенности о том, как хоронили скифских вождей. Сытые, довольные жизнью, они и после смерти не хотели превращаться в прах. Поэтому умершему разрезают живот и, вынув внутренности, заполняют его душистыми семенами растений, потом зашивают. Все тело покойного натирают воском. Затем на повозке тело вождя везут от одного подвластного ему при жизни племени к другому. Все встречающиеся на пути похоронной процессии присоединяются к ней, при этом они отрезают себе часть уха, стригут кругом волосы, разукрашивают лоб и нос, а левую руку прокалывают стрелами, выражая этим свою скорбь об умершем властителе. К процессии по пути присоединяются все новые и новые люди.

Приехав, таким образом, на место похорон, труп кладут в могилу на соломенную подстилку. По обеим сторонам трупа вбивают колья, на которые кладут брусья, и все это покрывают рогожей. В остальной обширной части могилы хоронят одну из его жен, а также виночерпия, повара, конюха, приближенного слугу, предварительно умертвив их, наконец, лошадей и первенцев всякого другого скота. Над могилой сооружают большую земляную насыпь — курган.

Спустя год, скифы снова являются к кургану и убивают здесь пятьдесят молодых людей из числа бывших слуг умершего царя (скифов же), столько же лошадей и устанавливают на могиле трупы убитых юношей так, будто они едут на лошадях.

Похороны рядовых скифов гораздо проще. Ближайшие родственники на повозке везут умершего к его бывшим друзьям. Каждый из друзей подносит сопровождающим покойного угощения, часть этих угощений предназначается и самому умершему. Насыпи (курганы) над могилой рядового скифа устраивались небольшие.

Геродот рисует скифов необычайно жестокими в сражениях. На войне,—говорит он,—скиф пил кровь первого убитого им врага, а чтобы показать свою храбрость и получить за это после победы свою долю добычи, скиф стаскивает к своему вождю головы пораженных им врагов. Геродот хвалит скифов за храбрость и хитрость. Он рассказывает об этом в связи с событиями, связанными с борьбой скифов и персов. В 515 году до нашей эры Дарий Гистасп, царь персидский, переправившись с громадной армией из Азии в Восточную Европу через Геллеспонт (Босфорский пролив) и реку Истр (Дунай), вторгся в скифские земли, чтобы захватить их. Гордый завоеватель, владыка многих народов, Дарий считал, что поход в Скифию—легкое дело. Но скоро он убедился, что завоевать скифов не так просто. Где бы ни проходила армия Дария, всюду на пути встречала она уничтоженные пашни, вытоптанные или выжженные степи, а о скифах только слышала, что их конница находится где-то впереди или сбоку на расстоянии одного дня пути. Скифы нападали всегда неожиданно. Эти внезапные нападения, утомительная погоня за врагом, трудность добывания продовольствия и фуража сильно утомляли

персов. 60 дней, отведенные на завоевание скифов, давно истекли, а конца борьбе не видно.

Преследуя скифскую конницу, Дарий перешел через Дон и вступил в пределы Нижнего Поволжья. Он добрался до самой Волги, но и этот марш оказался безрезультатным: скифы попрежнему оставались неуловимыми. Могучая красавица Волга едва ли умерила досаду Дария. Наконец, Дарий не выдержал и повел переговоры через своего гонца с одним из скифских вождей—Иданфирсом. Вот какие слова вкладывает в уста тому и другому Геродот: „Зачем ты, чудак,— обращается Дарий к Иданфирсу,—все убегаешь, когда можешь выбрать одно из двух: если ты полагаешь, что в силах противостоять моему войску, остановись, не блуждай более и сражайся; если же ты чувствуешь себя слабее меня, то также приостанови твое бегство и ступай для переговоров к твоему владыке (т. е. к Дарию) с землею и водою в руках".

Иданфирс с полным сознанием своей силы ответил: „Вот я каков, перс. Никогда прежде я не убегал из страха ни от кого, не убегаю и от тебя. И теперь я не сделал ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делаю в мирное время. Почему я не тороплюсь сразиться с тобою, объясню тебе это. У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать с вами в бой. Если бы вам крайне необходимо было ускорить сражение, то вот: есть у нас гробницы предков, разыщите их, попробуйте разрушить, тогда узнаете, станем мы сражаться с вами из-за этих гробниц или нет. Раньше мы не сразимся, раз это для нас невыгодно. Владыками моими я считаю только Зевса, моего предка, и Гистию, царицу скифов. Вместо земли и воды я пошлю тебе такие дары, какие приличны тебе, а за

то, что ты называешь себя моим владыкой, я расплачусь с тобой".

Как говорит предание, Дарию через некоторое время были доставлены обещанные подарки: птица, мышь, лягушка и пять стрел. Они имели следующий смысл: „Если вы, персы, не улетите как птицы в небеса, или, подобно мышам, не скроетесь в землю, или, подобно лягушкам, не уйдете в озера, то не вернетесь назад и падете под ударами этих стрел". Так ли на самом деле выражали друг другу свои мысли Дарий и Иданфирс, или по-другому,—для нас не столь важно. Дарию, — говорит Геродот, — пришлось возвращаться домой, в Азию, побежденным, а не победителем. Много воинов Дария сложили свои головы в землях Скифии. Немало полегло их и на восточной окраине этой земли—в Нижнем Поволжье. Немало персов осталось в наших местах в качестве пленных, превращенных скифами в рабов. С этих пор скифы зажили сравнительно спокойно. Спокойствие это, конечно, было своеобразным, так как стычки с соседними нескифскими народностями происходили, вероятно, очень часто.

САРМАТЫ.

Много кочевых племен переселялось в те далекие времена из Азии в Европу. Все эти племена обязательно проходили через Нижнее Поволжье. Они переправлялись через Волгу, Дон, продвигались к берегам Днепра и дальше. Часть этих племен оседала на Волге, на роскошных пастбищах Ахтубы, в степях от Волги до Урала. И разве можно было равнодушно пройти мимо долин рек Еруслана, Большого Карамана или реки Деркула. Летом здесь трава чуть ли не до пояса— густая, сочная, цветистая. Она как бы нехотя склоняется и раздвигается под ногами путника, под копы-

тами коня. Не раз, вероятно, случалось, что в начале июня, в тот час, когда дня уже не было, и вечер еще не наступил, когда золотые солнечные лучи заливали все вокруг мягким блеском, лицо кочевника прояснялось, левая рука ссаживала рысь коня, а правая, державшая нагайку, прекращала свои привычные, почти механические движения: вперед—назад, вперед—назад. Конь шагал не просто по траве. Он шагал по живому душистому ковру, цвета которого не подберет и лучшая ткачиха Туркменистана.

Таким кочевым племенем были скифы. Находки в курганах показывают, что вслед за скифами в Нижнем Поволжье жили сарматы. Они появились в наших местах около 2400 лет тому назад, то есть тогда еще, когда здесь были скифы. И по словам Геродота выходит, что сарматы одного происхождения со скифами (они тюрки), говорили почти на одном языке и имели много общего в обычаях. Это указание Геродота подтверждают и наши памятники-курганы. Но сарматские курганы очень разнообразны, потому-что относятся к разным временам: сарматы жили в Нижнем Поволжье около восьми столетий, за это время изменялись их обычаи. Одни хоронили своих сородичей в длинных, обширных четырехугольных могилах и клали их головой на запад; другие рыли почти квадратные ямы-могилы, в которых умершие лежали головой на север; третьи затискивали покойника в очень узкую длинную могилу головой на юг. Четвертые имели обыкновение устраивать в могилах ступеньки, на которые упирались концы плах, перекрывавших могилу; пятые, наконец, хоронили в подбоях — маленьких пещерках, вырытых в одной из стенок могилы, у дна ее.

В Нижнем Поволжье вскрыто не меньше 300 сарматских курганов. Цифра небольшая, а все же ею можно гордиться. Еще в 1924 году сарматский отдел

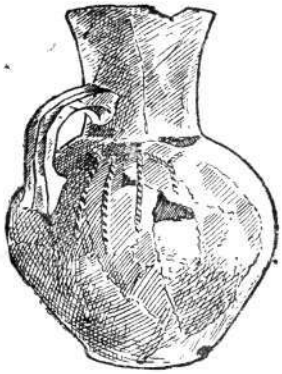
нашего музея можно было упрятать в небольшой сундучок — так было мало вещей. Некоторые археологи до революции считали, что в Нижнем Поволжье сармат вовсе не было.

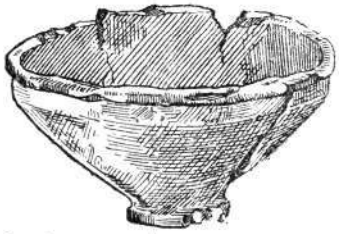
Первые два сарматские кургана, открытые в Аткарском районе и у села Мариенталь, в Республике немцев Поволжья, дали несколько любопытных вещей, говорящих о более высокой культуре сармат, чем у скифов: в них были литая из бронзы, но луженая серебром кастрюля с длинной ручкой, серебряные сито для процеживания вина и ручка от ковша, бронзовые — литой браслет и кольца с фигурами двугорбых верблюдов, бронзовая посуда и глиняная, изготовленная уже на гончарном круге.

В 1924 году большая археологическая экспедиция прошла пешком от станции Лысые Горы до слободы Рудни—по реке Медведице—и обследовала долины рек Еруслана, Большого Карамана и Саратовки. Всего насчитывалось около 500 км пешего пути. Это была чрезвычайно интересная и к тому же первая наша большая экспедиция. Мы шли, нагруженные заспинными сумками с продуктами, дорожной посудой, вооруженные лопатами, кирками, коробками для черепков, кремешков, собираемых по пути.

Шагали по дорогам, по тропинкам, по пескам и по лесам родного края, высматривая старину. Кажется, нет такого уголка в Нижнем Поволжье, где не пришлось бы побывать, нет такой реки или ручья, из которых не пришлось бы пить. Иногда было тяжеловато, особенно в степях Заволжья; приходилось пересекать многокилометровые безводные места. Вокруг пышет

зноем, фляжки давно опорожнены, во рту пересохло. Глаза жадно всматриваются в даль, выглядывая колодезь или лощину с ручейком. Иногда надоедали нудные многодневные ветры, порою мы до нитки мокли под дождем. Шли, обнаруживая по пути селища, дюнные стоянки или вскрывая через 20—30 км по одному-два кургана. Пройдя намеченный маршрут, вернулись домой через два месяца, окрепшие и бодрые и привезли немало интересного.

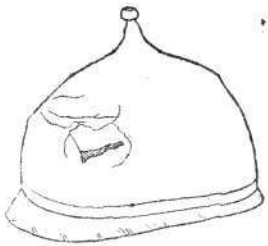




Сарматская посуда (глиняная).

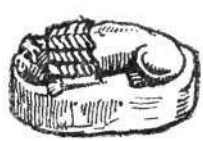
В Немреспублике, по правому берегу реки Большого Карамана, между селами Суслы (Герцог) и Раскаты (Роледер), мы обнаружили большую группу курганов. В одной из двух, взятых на пробу, оказалось то самое, что давно хотелось найти: это была могила сарматской женщины. В этом районе был вскрыт 71 курган, из которых большинство оказалось сарматскими. Раскопки по рекам Деркулу, Еруслану, вдоль Ахтубы, в Калмыкии, на речке Колышлее тоже дали богатые коллекции по истории разных кочевников, но главным образом сармат. Теперь для того, чтобы разместить все эти коллекции в музее, нужен уже громадный зал и десятки витрин. Здесь есть почти все предметы, которые сарматы делали сами для себя, или те, какие покупали они у иноземных торговцев. Очень много среди сарматских вещей предметов вооружения: мечи,

кинжалы, стрелы, дротики (маленькие копья), луки, колчаны. В музее города Энгельса есть даже бронзовый сарматский шлем, представлявший когда-то предмет вооружения римского воина. Немало и предметов домашнего быта: пряжки, ножи, точила (бруски), шилья, пряслица для веретен, ложечка, удила, огнива для добывания огня, остатки одежды (ткань и кожа от обуви) и очень много разнообразной глиняной посуды. В одном кургане нашли мы целую двухколесную арбу, конечно, сильно истлевшую.



Римский шлем из могилы сармата.

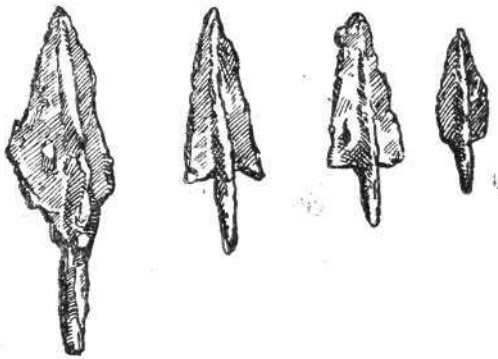
Почти все предметы украшения и туалета, встречающиеся в сарматских курганах, привозные: самые разнообразные бусы — стеклянные, гешировые (из каменного угля), янтарные, сердоликовые, бронзовые и железные булавки (фибулы), бронзовые зеркала, серьги, деревянные гребни, кораллы, морские раковины, гипсовые жучки, львы, алебастровые баночки для румян. Вся эта роскошь покупалась на причерноморских торжищах, а туда доставляли ее купцы из Египта, из Рима, из Греции, из греческих причерноморских городов. Значит, сарматы вели уже оживленную торговлю с другими народами.



Украшения сарматов — лев и скарабей (жук).

Сарматы беспрерывно кочевали по степям Нижнего Поволжья в своих двухколесных повозках, следуя за скотом, который, уничтожив траву на одном месте, передвигался на другое.

Внешность сармат мало отличалась от внешности скифов: они такие же длинноволосые, бородатые, в коротких кафтанах и длинных до пят шароварах. Римский поэт Овидий, живший 1978—1918 лет тому назад, так описывает их внешность: „свирепые лица, грубый голос; ни волосы, ни борода не подстрижены; между ними нет ни одного, который не носил бы налучья, лука и синеватых от змеиного яда стрел; рука всегда готова наносить раны, вонзая нож, который всякий варвар носит на привязи у бедра". Этот знатный римлянин называл сарматов варварами. Но варвары эти, однако, имели много общего с культурными римлянами. И те и другие торговали людьми, и те и другие были рабовладельцами.



Сарматские стрелы.

Деформированный череп сармата.

Сарматы, жившие в Нижнем Поволжье во втором—четвертом веках нашего летоисчисления, имели обыкновение путем повязок с детских лет искусственно изменять или, как говорят, деформировать головы. Головы их поэтому имели вытянутую форму дыни. Костяков с деформированными черепами найдено в курганах Нижнего Поволжья уже не меньше сотни. Больше всего их пока найдено в пределах Немреспублики.

На основании изучения костей одной женщины с деформированным черепом, могила которой обнаружена нами в кургане около г. Энгельса, был восстановлен и образ самой женщины. Этот образ говорит о том, что она была монголка. Лицо женщины миловидное. Правда, его мог несколько приукрасить антрополог-художник, который восстанавливал ее портрет. Но если и приукрасил, то немного. Наоборот, лицо мужчины, воспроизведенное тем же анатомом, свирепое. Мужчина — поздний сармат предпочитал уже обходиться без усов и бороды. Этот сармат принадлежал к числу знати, несомненно для своего времени был очень богатым. Таким его, по крайней мере, характеризует курган у станции Шипово.

Сарматская женщина.

Его верхняя одежда состояла из халата, сшитого из тонкого дорогого шелка малинового цвета. На бортах и рукавах блестели многочисленные медные позолоченные бляшки; слева на наборном поясе, на длинном ремешке, висел небольшой нож-кинжал, деревянные ножны которого были окантованы золотой фольгой. Нож глубоко, почти по рукоять, вкладывался в ножны так же, как делают это казахи или калмыки. Правая рука хозяина не расставалась с нагайкой. Сбруя его коня отливала золотом. Даже деревянное седло было покрыто золотой фольгой. Несомненно также, что шиповский сармат был рабовладельцем. Слуги—сарматы и рабы пасли его стада, кочуя с ними на пространстве от Волги до Урала, преимущественно вдоль речки Деркулы...

Этот сармат с дынеобразной головой был в расцвете сил, когда ему пришлось лечь в могилу. Убит ли он был, или болезнь свалила его, — неизвестно. В его могиле вместе с военными доспехами лежали два бронзовые браслета и зеркало.

Сармат.

Под насыпью соседнего кургана, в довольно глубокой могиле было другое погребение молодой женщины - сарматки. И она, несомненно, являлась представительницей богатой верхушки племени. Ее одежда была из дорогой шелковой ткани. Золоченая диадема (венчик), с цветными глазками из стекла, украшала ее голову. Массивная бронзовая с позолотой гривна (шейный обруч) охватывала ее шею, в ушах были золотые серьги.

Многое из того, что делали рядовые сарматские женщины, не касалось ее: для черной работы достаточно было слуг и рабов. Но одну работу она выполняла — это тканье из шерсти материи и шитье одежды. В могилу с сарматкой, как символ ткачества, положили веретено с пряслицем. Среди принадлежностей туалета у покойной отсутствовала такая необходимая вещь, как зеркало, у нее не было и браслетов. То и другое находилось в могиле сармата. Повидимому, это был муж сарматки. В знак траура бросила

она в гроб покойного мужа некоторые части своего туалета.

С юного возраста упражнялись сарматские дети в стрельбе из лука, в метании копья, в верховой езде и ловле коней арканами. Одной из любимых игр их была игра в альчики (бараньи астрагалы). Какой-нибудь 10-летний герой, поднявшись утром с постели-войлока, в первую очередь, наверное, заглядывал в то место кибитки, где хранилось его богатство — альчики. Он с удовольствием ощущал на руке прохладу перекатываемых между пальцами гладких костяшек. Кое-как закусив, мальчик с товарищами по нескольку часов с увлечением играл в круговую, алчи-таган.

Если случалось несчастье, и смерть преждевременно отнимала у родителей ребенка, отец и мать считали своей обязанностью положить с ним в могилу и игрушки-альчики. В кургане одного подростка нам встретилось 98 альчиков, а при другом — 65 штук.

Самым счастливым днем для сарматского юноши был тот, когда взрослые мужчины принимали его в свою среду на равных правах. Вручая 15—16-летнему юноше меч в деревянных красных ножнах с бусинкой на конце, ему, вероятно, говорили: „Теперь ты взрослый воин, а что должен делать воин, ты хорошо знаешь". Курган 15-летнего подростка-воина мы вскрыли в Калмреспублике. С ним лежали громадный железный меч и неизменные спутники его игр—альчики: сразу не отвыкнешь от них.

Около села Мариенталь (Тонкошуровка), в Республике Немцев Поволжья, археологом вскрыт небольшой курган. В нем лежал сармат. Большой трехгранный костяной наконечник стрелы так крепко застрял в тазовой кости покойного, что вынуть его можно только с большим трудом. Сармат был убит этой стрелой. Кто его убил, и где это произошло? Сарматы, как и скифы, пользовались сначала бронзовыми наконечни-

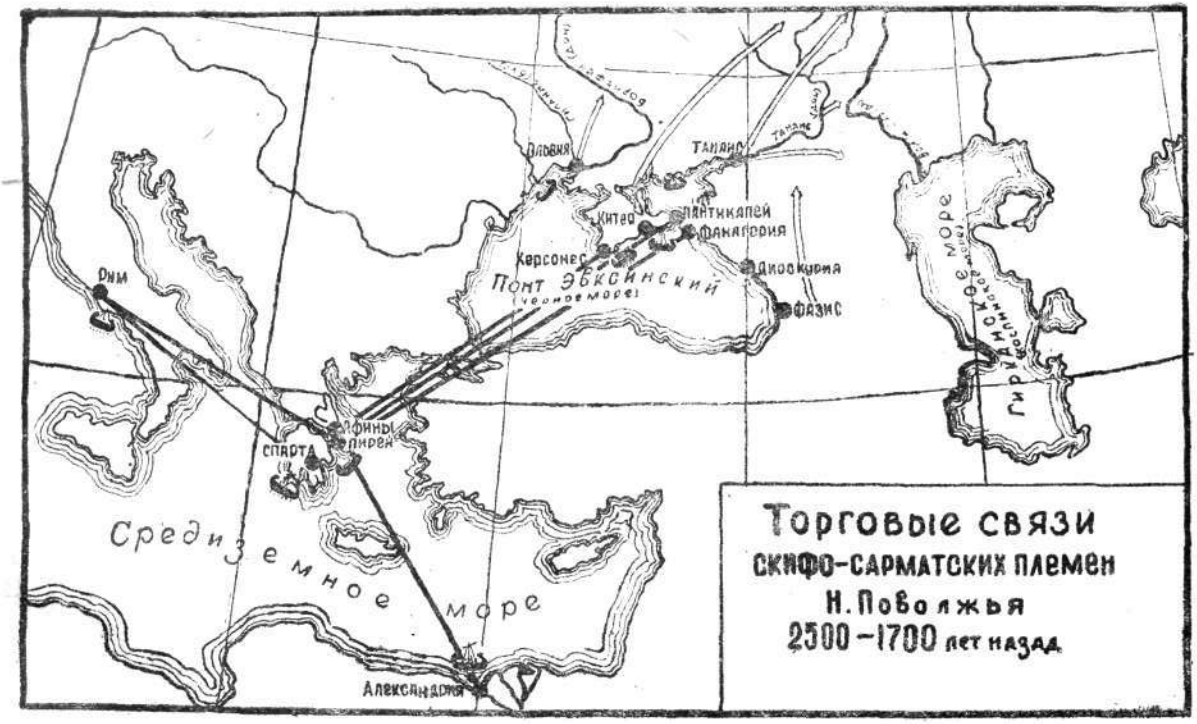
ками для стрел, потом железными, но никогда не употребляли костяных. Значит, мариентальский сармат был убит не своими сородичами. Чья же эта костяная стрела?

Покойный с сородичами жил в кибитках в том районе, где был и похоронен, то есть приблизительно в 50 километрах от берега Волги в степи. Он со своими товарищами уже не раз производил набеги на оседлое население правобережья Волги и пока всегда благополучно возвращался домой, хотя и не всегда с добычей.

Часть тазовой кости с вонзенной костяной стрелой из могилы сармата.

Однажды, как всегда, группа кочевников на конях направилась привычным путем в сторону Волги, к тому месту, где впадает в нее речка Саратовка. У каждого из всадников были меч и лук, а у некоторых кроме того и копье с длинным железным наконечником. К седлам приторочены арканы. Коней оставили в прибрежных кустах на попечении одного из отряда, а остальные с помощью плота, сооруженного из овечьих мехов, начали переправляться на нагорный берег Волги. Хотя переплывали реку в том месте, где большие острова превращали ее русло в протоки (рукава), переправа была не безопасной. Но ничто не могло остановить налетчиков. Через два часа сарматы оказались на нагорном берегу. Бичевником через густые поросли они уверенно пошли вверх по Волге: они предполагали, что вокруг нет ни души, и никто не мог их заметить.

Дойдя до одного из береговых поворотов, отряд сарматов остановился; впереди, приблизительно в тысяче шагов, сквозь кустарник стал виден городок, заселенный мордвой. На мысу, между двумя оврагами, обнесенный по краям густым частоколом городок резко выделялся издали. К этому-то городку сарматы и стремились. Но только на первый взгляд казалось, что


Ольвия
Танаис
Пантикапей
Китей
Фанагория
Керсонес
Понт Эвксинский
(Черное море)
Диоскурия
Фазис
Рим
Афины
Пирей
Спарта
Средиземное море
Александрия
Каспийское море
Торговые связи
скифо-сарматских племен
Н. Поволжья
2500–1700 лет назад

вокруг городка нет ни души. На самом деле мордва, наученная многократными набегами кочевников, на несколько километров во все стороны от городка имела дозорные посты. Один из таких постов заметил сарматов еще издали, когда они переправлялись через Волгу. Дозорные не могли определить, с чем явились жители кибиток: с дружбой или мечем. Но то, что сарматы были вооружены пожалуй больше, чем надо, что у них отсутствовали сумки или связки с товарами для обмена, заставило мордву заподозрить кочевников в недружелюбных намерениях. Весть о появлении врага быстро долетела до городка: были приняты меры не только для обороны, но и для нападения на врага, когда это понадобится. В пойме под городком пасся скот, охрану его к ночи усилили.

Между тем сарматы, продвинувшись несколько вперед от берегового поворота, скрылись в лесной чаще в ожидании ночи.

Но ночь для сарматов на этот раз не принесла удачи. Они не только не угнали скот мордвы, не взяли пленных, но и самим им пришлось бежать, оставив на месте нескольких убитых товарищей. Одного тяжело раненого стрелой кочевники захватили с собой. Раненый еще смог живым перебраться на степную сторону Волги, но родных кибиток и семьи уже так и не увидел: по пути к ним умер. Его похоронили под тем курганом, который 1900 лет спустя был вскрыт одним из наших археологов.

ДРЕВНЯЯ МОРДВА.

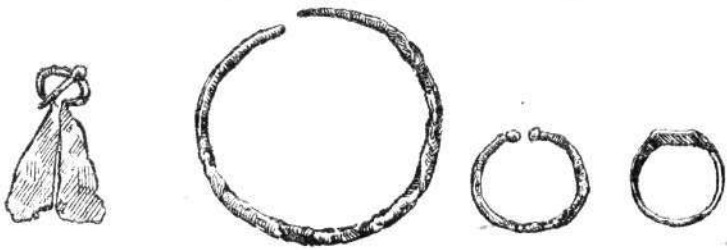
Итак, сарматы, явившиеся под стены городка, чтобы пограбить его, имели дело, повидимому, с мордвой. Эта древнейшая мордва жила в Нижнем Поволжье около 2000—1800 лет тому назад. Она никогда не селилась в степях левобережья Волги и на юге.

Мордва возводила свои городки в лесных и лесостепных местах, приблизительно от Камышина к северу и западу — по правобережью Волги, по рекам Медведице, Узе и Суре.

Каковы же памятники той древней мордвы?

В пяти километрах от нынешнего Армеева, среди оврагов, около леса находится громадное кладбище древнейшей мордвы — ее могильник.

Можно тысячи раз пройти мимо древнего кладбища и не заметить его: так сгладились небольшие насыпи на могилах, и только благодаря тому, что глубокий овраг перерезал кладбище, удалось обнаружить могильник. Нашли его ребята, деревенские пастушки. Лазая



Бронзовые гюльгама (застежка), браслет и перстни мордовской женщины.

по оврагу от скуки, когда стадо отдыхало в полдневный жар, они собирали по дну оврага черепки посуды, бусы, браслеты, пряжки и другие предметы. О них узнали взрослые, а затем специальная экспедиция вскрыла здесь 127 могил, составлявших приблизительно четвертую часть всего могильника; остальные — разрушены оврагом.

Вот вещи древней мордвы, взятые из Армеевского могильника: женские предметы—бронзовые накосники с колокольчиками, такие же шейные обручи (гривны), браслеты, перстни, пряжки, нагрудные бляхи размером с чайное блюдце, пряслица от веретен (сами ве-

ретена сгнили) и ножи. Некоторые женщины надевали на себя столько украшений, что последние весили, вероятно, не меньше 8 килограммов.

Они ходили в лаптях. Онучи и лапти стягивались у зажиточных женщин наборными ремнями, сплошь украшенными бронзовыми бляшками с колечками.

В мужских могилах мы нашли ножи, однолезвийные мечи, копья, топоры, стрелы, удила. Всадник мордвин, как и сармат, еще не пользовался металлическими стременами.

Мордва, которой принадлежало это кладбище, жила, вероятнее всего, километрах в полуторах от него. Здесь мы обнаружили остатки селища. Километрах же в трех от кладбища, в густой лесной чаще, на мысу между тремя оврагами находятся остатки древнего мордовского городка, обнесенного рвом и огромным валом, точно крепостной стеной.

По другую сторону от Армеева, приблизительно в 6 километрах, в лесу же, обнаружено и второе городище, но уже с двумя валами. Через овраг, рядом с ним — на поляне и пашне — нашли мы 18 круглых насыпей. Сначала мы приняли их за курганы. Оказалось, что насыпи скрывали в себе остатки избушек. Это был поселок. Он состоял из 18 избушек, разбросанных в беспорядке. Большая часть их тесно прижаты друг к другу. Только несколько их расположилось в сторонке. Стены выведены из камня-дикаря, промазанного глиной. Крыша устроена из хвороста, который присыпан землей. Столб посреди избушки поддерживал ее крышу. Слева от входа сложен из камней очаг, над которым в крыше, вероятно, было дымовое отверстие. Вдоль стен устраивались сплошные земляные лежанки-нары. Дверь в землянку была сбита из грубо обтесанных досок и навешана на косяк с помощью веревочных петель.

Каждая избушка принадлежала одной семье. Семьи иногда состояли из 8—10 человек: из бабушки, деда, отца, матери и детей, и жили люди в этих избушках в большой тесноте и грязи. А всего в поселке жило 100—130 человек. Вероятно, около избушек были плетневые пристройки-изгороди для скота.

Нелегка была жизнь в поселке. Много сил надо было, чтобы ежегодно выкорчевывать из-под леса новые небольшие участки под пашню. Мужчины—отцы и подростки — кроме того, часто и по долгу отсутствовали, они бродили по лесам в поисках дичи и ульев диких пчел.

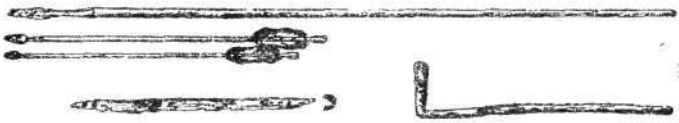
Сюда, в лесные дебри, не так легко попадали блага далекого, более культурного мира: хорошая посуда, ткани, оружие, украшения. И мордва большую часть необходимых вещей готовила домашним способом. Обилие леса позволяло изготовлять разнообразную деревянную посуду: ковши, чашки, бочата. Из бересты плелись кошелки, короба, а кора липы давала мочало на веревки и лыко для лаптей.

Поселка не стало, но отчего? Вскрытые избушки оставляют впечатление, что на поселок совершено нападение, он подвергся сознательному разрушению и был сожжен. В избушках то и дело попадались обуглившиеся прутья, покрывавшие крышу. Немало встречалось также докрасна обожженых кусков глины, которой когда-то были обмазаны стены избушек. Среди развалин почти каждого жилища валялись обломки разбитой глиняной посуды. Она оставлена целой, но была раздавлена рухнувшей горящей крышей. Обвалившиеся крыши еще долго горели, поэтому посуда, которую они накрыли, оказалась настолько пережженной, что теперь почти рассыпается от прикосновения к ней.

В одной избушке найден железный инструмент, служивший для выдалбливания ложек. В другой—

в сгоревшем колчане сохранилось 30 железных наконечников стрел и пряжка от самого колчана.

Нападение врагов на поселок было совершено врасплох, вероятно, в то время, когда многих жителей в поселке не было, иначе хозяева захватили бы с собой свое оружие, чтобы под прикрытием городка отбиваться от сильного врага. Может быть, на этот раз враги хорошо поживились, разграбив поселок и угнав скот поселян.



Копье, стрелы, меч и топор древней мордвы.

Кто же мог напасть на этот мордовский поселок? Едва ли к этому делу причастны свои же сородичи из соседней деревушки. Древней мордве приходилось быть постоянно на-чеку: из степных мест далеко вглубь лесов забредали кочевники, для защиты от нападения которых мордва строила городки-крепости.

Мордвин-воин почти всегда был опоясан широким наборным ремнем, на котором висел в кожаных ножнах, иногда украшенных бронзовым наконечником, длинный однолезвийный меч.

Не всегда мордва и кочевники сходились только для того, чтобы подраться. Иногда сходились они и для торгового обмена. Мордва давала кочевникам деревянные боченки, берестяные короба, мед, воск, меха и за это получала хорошие мечи, стрелы, стеклянные бусы, серебряные и золоченые пояса.

В торговые связи с мордвой вступали и сарматы и те кочевники, которые сжигали своих покойников (предполагаемые гунны). О связях Нижнего Поволжья

даже с далекими культурными центрами говорят многочисленные находки. Здесь встречаются греческие и римские монеты.

Сколько кочевых народов прошло через Нижнее Поволжье за многие сотни лет! Были — и нет их. Только курганы о них говорят. А мордва жила здесь в скифские времена, жила и тогда, когда появились сарматы. Перед глазами ее мелькали полчища гуннов и орды тех, кто сменил гуннов. Наконец, 900 с небольшим лет тому назад в степях Нижнего Поволжья, в соседстве с мордвой, осели печенеги.

МЕНЯЛИСЬ ХОЗЯЕВА СТЕПЕЙ.

1500 лет тому назад на Нижнем Поволжье появились люди, которые имели обыкновение сжигать своих покойников вместе с вещами и хоронили в могилах лишь пепел с остатками костей, с обгоревшими сломанными металлическими мечами и др. предметами. В отличие от двухлезвийных сарматских мечей и трехгранных стрел они имели однолезвийные мечи и наконечники стрел.

Кто эти люди?

Известно, что около 371 года по юго-восточной Европе быстрым маршем прошли дальше на запад отряды гуннов — народов монгольского происхождения. Может быть, часть их задержалась здесь. Это были опять-таки кочевники, всю свою жизнь проводившие на конях и постоянно передвигавшиеся со всем своим имуществом.

Гунны, — как говорят исторические материалы, — организовали на юге восточной Европы большую державу. Но она просуществовала недолго. В 451 году эти кочевники потерпели сильное поражение в Западной Европе, и держава их распалась на отдельные

орды, существовавшие в дальнейшем под разными другими именами.

Может быть, могильные насыпи, которые хранят под собой остатки сожженных покойников, принадлежат гуннам. Но насколько справедливо такое предположение — пока еще неизвестно.

* * *

Несколько больше мы знаем о том, что позже, в 900 — 950 годах, через Нижнее Поволжье прошли печенеги.

Долго мы знали о печенегах только по письменным источникам.

Византийский император Константин Багрянородный около 950 года написал книгу „О народах". В этой книге он сообщает, что несколько десятков лет назад на реках Атель (Волга) и Геихе (Урал) жили племена кочевников-печенегов. В 950 году два другие племя — узы и хазары — изгнали печенегов из страны, обратив их в бегство. Печенеги поселились тогда у Черного моря.

Долго задавали мы себе такой вопрос: где же курганы печенегов? Ведь мы сейчас ходим по местам, на которых когда-то стояли их кибитки, а следов этих кочевников нет как нет. На юге РСФСР и на Украине курганы печенегов хорошо изучены. Попадись они здесь, мы узнали бы их тотчас. Становилось досадной неуловимость степняков. И вот в прошлом году, летом, неожиданно для нас нашли мы два кургана печенегов в Калмыкии. Курганы эти маленькие, совершенно одинаковые по содержанию. Расскажем об одном из них. Могила печенега вырыта с подбоем (с пещерой-камерой в стене). На дне могилы, у входа в подбой (в камеру) лежали черепа и ноги овцы и лошади; костей туловища лошади не было. На месте его лежали

остатки деревянного седла с двумя железными стременами, а в зубах лошади — железные удила. В могиле стоял еще большой, очень грубой лепки, горшок.

В камере (подбое) находился костяк взрослого мужчины со скуластым черепом. На груди и бедре его лежали костяные пластинки, которыми когда-то был выложен лук. От деревянной части лука сохранился только небольшой кусочек, который позволил установить, что лук был довольно большой. Кроме этих вещей в могиле оказались три железных пряжки, железный нож, железное огниво (кресало), кремешки для огнива, обломок железной стрелы.

Мы узнаем печенежские курганы по таким признакам: в них не клали целую лошадь, а лишь набитое соломой, взнузданное и оседланное чучело ее с головой и ногами (тушу животного, очевидно, предпочитали оставить себе на обед родственники умершего); затем здесь встречается еще посуда, в более поздних кочевнических курганах глиняных горшков уже никогда не встретите. В этих курганах, кроме того, встречаются очень своеобразные железные стремена с немного вогнутой подножкой ввиде дуги и с вытянутой далеко вверх, ввиде прямоугольника, верхушкой, в которую продевается ремень. Такие стремена позже также не встречаются. Луки печенегов, как и поздних сарматов, в середине и по концам выложены широкими и длинными костяными пластинками.

Византийский историк еще кое-что рассказывает об этом народе. У печенегов было несколько племен во главе со своими вождями. В племени иртим был вождь Мациана, в племени цур — Куела, у инлов — Куркутана, у кулпеев — Итаона, у харовиев — Кандума, вождем племени талмат — был Костана, хопогов — Маза, племени цопон — Вотана. Таким образом,

мы имеем представление о печенежских названиях и именах.

Каждое племя делилось на 40 родов. Во главе каждого рода был свой „меньший вождь", то есть руководитель его.

Каждый печенежский род жил самостоятельно, имел свой отдельный участок, на котором селился и пас скот. Но вожди племен выделялись из самых сильных родов. И члены этого рода были весьма заинтересованы в том, чтобы звание вождя не передавалось по наследству от отца к сыну, так как этим умалялось значение остальной части рода, и вождь мог получить слишком большую власть. Поэтому вождям племени наследовали их двоюродные братья или дети двоюродных братьев. В этом порядке наследования мы видим остатки древних родовых обычаев. Вряд ли жизнь печенегов особенно отличалась чем-нибудь от жизни других кочевников. „С приходом новых племен — узов и хазар, — пишет тот же Константин Багрянородный, — некоторые печенеги пожелали остаться, поселившись с так называемыми узами, и до сих пор находятся среди них". По словам его, эти печенеги, желая показать, что они порвали связи со своими родичами и соплеменниками и покорились пришельцам, укоротили свою одежду до колен и обрезали рукава до плеч. Печенеги и в половине X века, вероятно и позже, продолжали жить в Нижнем Поволжье, хотя и в небольшом количестве. Те же, которые ушли из пределов Нижнего Поволжья, заняли громадное пространство причерноморских степей и оттуда постоянно беспокоили своими нападениями образовавшиеся к этому времени русские княжества. В 972 году в бою с печенегами погиб русский князь Святослав, — так сообщают русские летописи. В 1034 г., — сообщают они же, — печенеги были разбиты Ярославом Муд-

рым, князем киевским, и после этого ушли на Балканский полуостров.

* * *

Удивительное дело! И византийский император, а за ним арабские писатели IX века — Масуди, Ал-Мукадеси, Ибн-Хаукаль — единодушно утверждают, что и хазары были на Волге. Мы же пока не нашли ни одного памятника — прямого свидетеля пребывания их здесь.

Кажется, все Нижнее Поволжье исколесили вдоль и поперек, а хазарским духом так и не запахло нигде. Обнаружены курганы, которые оставлены печенегами тогда, когда они жили в близком соседстве с хазарами, может быть уже смешались с ними, а хазарских могил все-таки нет. Однако, познакомимся немного с хазарами по историческим данным. Что за народ хазары — история точно не знает. Многие считают, что они тюрки. Ибн-Хаукаль же говорит, что „хазары не походят на турок. Хазары, — говорит он, — черноволосы и их два класса. Одни называются кара-хазары, они смуглые, даже почти черные, подобно индийцам, а другие составляют класс белых". Историк сообщает, что они „видный народ по красоте и совершенству". В восточную Европу хазары пришли из Азии еще задолго до прихода сюда печенегов. К половине IX века они образовали громадную державу, территорию которой составляло все пространство от Днепра до Волги и дальше на восток.

Хазарам было подвластно много народов, и кочевых и оседлых, начиная от тех, кто жил на Кавказе, и кончая болгарами, остатками печенегов и мордвой Поволжья. Эти подвластные народы, а долгое время и славяне, платили хазарам дань.

Вся торговля запада с востоком была в руках хазар, и огромные доходы хана и беков хазарских составлялись из пошлин, которые брались со всех ввозимых в государство товаров. Ввозилось же из разных мест очень многое: ткани, мед, воск, шерсть, шкуры бобра. Хазарские купцы, в свою очередь, перепродавали их в другие страны: например, шкуры бобра продавались даже в Андалузию (Испания).

В устье Волги была столица Хазарии — Итиль. Где точно находилась она — неизвестно. На исторической карте она обозначена кружком на месте теперешней Астрахани, но насколько это соответствует действительности — еще большой вопрос.

По словам Ибн-Хаукаля, город был разделен рекой (наверное, рукавом Волги) на две части. Одна из них называлась собственно Итиль, а другая Хазаран. Величина обоих частей города около фарсаха (5 км). Они окружены стеной. Глиняных построек в городе сравнительно немного, большинство их из дерева и войлока. Дворец царя помещался на берегу реки, и это было единственное сооружение, возведенное из обожженного кирпича.

В городе были также мечети, рынки, бани. А на 20 фарсахов (100 км) вокруг города раскинулись пашни горожан. Летом сельскохозяйственные продукты на судах по реке и на повозках переправляются в город. Население Итиля очень пестрое, — говорит Ибн-Хаукаль. Кроме самих хазар в нем живут славяне, русские, евреи. В тот же Итиль много переехало купцов и ремесленников из других стран. Хакан, бек, его приближенные и часть хазарских племен были иудеи; иудейство занесли в Хазарию евреи — беглецы из Византии и других государств. Немало хазар было христианами. Большинство же населения было мусульманским. Были здесь и язычники. Так как у каждого

народа свои обычаи, с которыми приходится считаться при разборе различных дел, в столице было семь судей: два для мусульман, два для христиан, два для иудеев и один для язычников.

В хазарской державе X века существовало двоевластие. Высшим олицетворением власти являлся „хакан-хазар", который в действительности совсем не вмешивался в государственные дела и редко даже выходил из дворца. Он был окружен величайшим почетом. Встречные падали перед ним ниц. На войне хакан ехал в закрытой повозке, своим присутствием, как божество, вдохновляя войска. Когда он умирал, его хоронили тайно, а хоронивших его убивали. Странный обычай существовал при избрании хакана: его душили и спрашивали, сколько лет он хочет царствовать. Впрочем, больше 40 лет хаканом быть не позволялось, — все равно убьют. Хаканом человек становился по выбору и притом не всегда из числа богатых. Например, Хаукаль приводит такой рассказ очевидца, которому он доверял. Тот на одном из рынков Итиля видел юношу, продававшего хлеб. Про юношу этого говорили, что если хакан их погибнет, то нет никого более достойного хаканства, чем он. Помешать могло только одно: юноша был мусульманин, а хаканом обязательно должен быть только иудей.

Но настоящая власть принадлежала не хакану, а беку или пеху, который ведал и денежными делами и являлся главою армии. Около 950 года и позднее хазары на случай войн пользовались наемной силой, состоявшей, как говорит Масуди, из лариссов, мусульман-выходцев из Ховарезма (Хивы). Лариссы иногда называются хвалиссы. Отсюда Каспийское море одно время называлось Хвалисским, потом Хвалынским). Лариссы составляли постоянное войско хазар в 12 тысяч человек.

В X веке власть хазар ослабла. Территория их государства сильно сузилась. Центром его стал юг Нижнего Поволжья. А еще позже, в XI веке, те самые печенеги, которых когда-то хазары изгнали из Поволжья — стали наседать на своих победителей. В то же время с востока, из-за Урала, пришла новая волна кочевников — половцев. И хазары понемногу растворились в среде тех, кого когда-то побеждали, и тех, кто вновь явился в Нижнее Поволжье.

Вот что рассказывают об этом народе, населявшем некогда Поволжье, арабские историки.

Хазары представляли из себя, таким образом, уже совершенно новое — классовое общество. Для охраны своих интересов, имущества хазары-эксплоататоры создали целую государственную машину — суды, чиновников, армию, при этом даже наемную. Жрецы, которые в родовом обществе представляли из себя еще не облеченных властью членов рода, совершавших обряды, молитвы об урожае и т. д., — теперь выделились в особую касту — церковь, ставшую опорой и помощницей ханов, беков, купцов, рабовладельцев, охраняющей их власть и помогающей держать в повиновении подчиненную массу трудящегося населения и покоренные народы.

* * *

Не стало хазарской державы. Постепенно исчезли со сцены и сами хазары. Перестали быть грозой степей печенеги. А в лесах и лесостепях Нижнего Поволжья попрежнему жила мордва. Про нее, повидимому, сообщает нам арабский писатель Ибн-Даст (Ибн-Росте), называя мордву буртасами. В своей „Книге драгоценных драгоценностей" он пишет: „нет у буртасов верховного главы, который управлял бы ими, и власть которого признавалась бы законной.

Есть у них в каждом селении только по одному или двое старшин, к которому обращаются они в своих распрях". У мордвы еще нет государства, как и у хазар; у них нет судов. „Если один из них обидит или причинит вред другому, — соглашения и примирения между ними не бывает прежде, чем обиженный не отомстит обидчику. У них не закабалены женщины. Вера их похожа на веру гузов (то есть язычников). Одни из буртасов сжигают покойников, другие хоронят". Об этом рассказывают и русские летописи.

Мордовский серп.

Ни летописи, ни арабские писатели не скажут нам, понятно, о той эксплоатации, которую испытывала мордва на себе под властью хазарских хаканов, о том, сколько пота и крови стоило ей выплачивать дань хазарским чиновникам хлебом, медом, мехами, пушниной, всем, что в тяжелой борьбе с природой добывали они для себя на полях и в лесах Поволжья. Этими же мехами приходилось мордве откупаться и от налетавших на них хазар, а позже половцев. Кроме всего этого, мордва должна была постоянно предоставлять 10.000 всадников для грабительских войн хакана. При нужде мордвин вооружался луком, боевым топором и устремлялся верхом навстречу врагу.

Костюм мордовской женщины.

А в мирной обстановке конь помогал взрыхлять землю, таща соху, рука мордвина меняла боевой топор на серп.

А тут еще свои же мордовские роды, которые побогаче, норовят оттеснить слабейший род, поживиться его трудами. И среди самой мордвы были уже теперь отдельные, наиболее сильные роды, которые и сами,—как говорит Ибн-Даст,—производят набеги на печенегов и соседних болгар. Так понемногу стала выделяться и у мордвы верхушка общества, которая теперь уже эксплоатировала и угнетала своих родичей.

Памятники этой поздней мордвы, жившей 700—500 лет назад, находим мы у Аткарска, южнее его пригородной слободки, у Хвалынска, у Куликовки, недалеко от Вольска. Эти памятники — могильники мордвы.

* * *

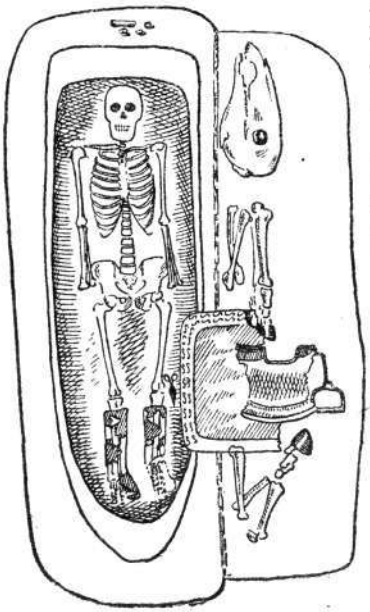
В 1035 году появились у мордвы новые поработители—половцы. С табунами коней, овец, коров кочевали они с места на место, то снимая с повозок свои домики-кибитки и раскидывая их в степях, то устанавливая их опять на колеса и двигаясь дальше.

Селились половцы и у самых поселений мордвы, промышляя тут рыболовством и охотой; оттого некоторые курганы их мы находим у самых мордовских могильников, например у Аткарска, у села Свинухи и др. На могилах их иногда встречаются каменные фигуры, изображающие человека. Кстати, половецкие могилы очень похожи на печенежские: в них клали коня также в виде чучела, набитого соломой. Зато здесь мы никогда не находим глиняной посуды; вместо нее встречаются медные или железные, а изредка и серебряные кумысные чашки. Иной, чем у прежних кочевников, формы стремена половцев, они в виде дуги с плоской подножкой. Наряду

с прежними луками, стрелами, копьями мы находим здесь и большие изогнутые, с деревянной или костяной ручкой, сабли.

Хан половецкий через помощников своих управлял родами и племенами половцев. Эти же помощники собирали у подвластных народов дань хану.

Насколько воинственен был этот народ, мы заключаем из того, что даже женщины половецкие владели



Половецкое погребение.

Половецкие стремена и удила.

оружием: в могилах их так же, как и в могилах мужчин, можно нередко встретить копье. Но большую часть обязанностей половчанка несла в своем хозяйстве: складывать, перевозить и вновь собирать жилье являлось ее обязанностью. Многие половцы-мужчины, прекрасно владея оружием, не знали, вероятно, как подступиться к частям кибитки при сборке ее. Недаром в одном кургане Калмреспублики, на „Белой горе", в котором в XIII веке похоронена богатая половчанка, могила была накрыта частями разобранной

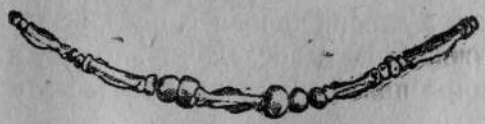
кибитки. Эта кибитка очень похожа на кибитки кочевников-калмыков или казахов.

Не только мордва знала своих новых соседей. Нередко сталкивались половецкие ханы и с русскими князьями.

Князь Новгород-Северский, Игорь Святославович в союзе с другими русскими князьями, собрался в поход на половецкие степи. Мечтой его было уничтожить половцев, которые уже тридцать лет не давали покоя русским. Встреча противников произошла в 1185 году на реке Каяле, в степях у Дона и Азовского моря. Силы оказались неравными. Полегли под ударами половецких сабель русские полки. Не удалось им попить шеломом воды из Дона. Пронеслась весть, что погиб в бою и сам князь Игорь.

На самом же деле Игорь попал в плен к половецкому хану Кончаку, от которого ему удалось потом бежать.

И раньше и после этого русские еще не раз схватывались с половцами, иногда одерживая победы. Но все-таки половцы долго оставались владыками степей от берегов Днестра до реки Урала.



ЗОЛОТАЯ ОРДА.

Уже около 75 лет хозяйничали половцы на новой родине; казалось, ничто не грозило им, никто не мог устоять перед их каленными стрелами и булатными мечами. Ханы половецкие то заключали союз с русскими князьями, роднились с ними, вместе пировали, то снова вступали с ними в борьбу, разбивали их города и уводили пленных.

Мордва, жившая по берегам Волги, Медведицы и Хопра, много раз испытывавшая на своей спине тяжесть ударов нагайки и остроту сабель разных кочевников, а теперь половцев, пока, некоторое время, „мирно" уживалась с последними, потому что платила за этот „мир" половцам дань. Казалось, все шло хорошо.

Правда, доносились из-за Урала смутные слухи о том, что далеко в Азии, на окраине пустыни Гоби, вождь одного из татаро-монгольских племен—Темучин собирал разрозненные монгольские племена в могучую монархию, а вскоре принял титул Чингисхана, т. е. великого хана, императора. Слышно было, что от него начинает доставаться и соседним не монгольским

народам и государствам. Но все эти события пока происходили далеко от половецких степей, и особого беспокойства здесь поэтому они не вызывали: мало ли где, кто и с кем дерется...

А татарские князья, тем временем, продолжали упорно продвигаться из глубины Азии на запад. Широкие просторы лугов и пастбищ, легкая нажива от грабежей и торговли рабами манили сюда татарских князей и самого великого хана. И татары шли сюда... Они уничтожили на своем пути Бухару и Самарканд, покорили по пути Хорезмское государство, а к концу 1221 года, обойдя Каспийское море с юга, оказались уже в Закавказьи.

Еще через несколько месяцев они прошли Ширванское ущелье (Железные ворота) близ Дербента и вторглись в земли алан (осетин). И, наконец, как гром среди ясного дня, свалились на половецкие вежи (жилища) их многочисленные полчища. Татары двигались вместе с табунами коней, стадами коров, отарами овец, с повозками, в которых сидели их жены и дети. Впереди отряды воинов, на конях, вооруженные луками и копьями, в кожаных панцырях, расчищали путь. Половецкие дозорные понеслись с вестью об этом страшном нашествии к своим ханам. Оттуда эта весть достигла и русских князей. Рассказы о новых завоевателях наводили ужас на всех. Русские князья прилегающих к половецким степям княжеств и половецкие, наспех сорганизовавшись, решили вместе дать отпор „косоглазым страшилищам", как они себе представляли татар. В 1223 году на берегах Калки (теперь реки Калмиус, впадающей в Азовское море у г. Мариуполя) половцы и русские поджидали врага. Дождались и встретились. Но встретились только для того, чтобы быть на голову разбитыми. Татары показали свое умение воевать.

Не сразу, однако, татарские ханы по-настоящему завладели вновь завоеванными землями. Они так же неожиданно ушли из степей Европы обратно в Азию, как и явились сюда. Лишь через 14 лет Нижнее Поволжье снова увидело своих новых хозяев. Наместник великого хана Бату или Батый с отрядом татар снова явился уже в 1237 году. На этот раз татары пришли сюда через Урал. Батый разгромил ряд русских городов, завладел половецкими степями и устремился еще дальше на запад. В Венгрии он потерпел поражение и вернулся к берегам Волги с тем, чтобы уже не покидать их.

Чингисхан (рисунок из древних китайских летописей).

С этих пор Дешт-и-Кипчак, т. е. половецкие степи, и все существовавшие тогда разрозненно русские княжества стали западным улусом (областью) татарской империи. От Киева до Аральского моря, от Булгар на Волге до Кавказа тянулись владения орды в Европе; они включали в себя русские княжества, мордву, булгар, Литву, Сарайчук на Урале, Ургенч в Хорезме.

На востоке граница их владений шла по берегу Каспийского моря и дальше в Азию. Центром этого западного улуса стало Нижнее Поволжье, откуда

наместники императора монголов—ханы—управляли всеми владениями своими, в том числе и русскими княжествами. Сам же император татарский оставался жить в глубине центральной Азии.

А еще через несколько лет весь западный улус выделился в самостоятельное государство, которое русские (в XIII и XIV веках) назвали Золотой Ордой. Золотой оно названо потому, что орда или урда, т. е. ставка, жилье, дом, где жили ханы, была богато украшена золотом.

Хан Бату.

Золотая Орда была уже феодальным государством. Это государство отличалось от рабовладельческого тем, что вместо класса рабовладельцев мы видим в нем новых эксплоататоров трудящихся—феодалов, а вместо рабов — крепостных. Если рабы были полной собственностью рабовладельца, то крепостным крестьянином феодал не владел как вещью, он имел право на его труд и мог принуждать крепостного выполнять любую работу на себя, для своей пользы. Но крепостной ничем почти не отличался от раба, хотя по закону и не был полной собственностью своего господина.

Золотая Орда и была таким феодальным государством. Власть в ней принадлежала феодалам-крепост-

никам, имевшим все права над угнетаемой и бесправной массой скотоводов и земледельцев. А бывшие родовые старейшины и вожди превратились теперь уже в эксплоататоров-феодалов, которые назывались беками, ханами и т. п. и т. д.

* * *

В Золотой орде бывало много иностранцев — персов, арабов, с торговыми и другими целями приезжавших сюда. Некоторые из них описали затем свои впечатления и наблюдения об орде.

Но много и вещественных памятников этого времени сохранилось до наших дней. Они очень разнообразны и показывают, прежде всего, что орда была могущественным государством, в котором класс эксплоататоров-феодалов создал уже целую организацию для эксплоатации и подавления как кочевников татар же, так и половецких, мордовских, русских земледельцев и других народов, до прихода татар, живших на широких просторах восточной Европы.

Такими памятниками являются, прежде всего, могильники. Они разбросаны повсюду и в северной и в южной части Нижнего Поволжья.

Вот погребения богатых кочевниц. Мы находим в их могилах остатки шелковых и парчевых одежд, шапочек, расшитых серебряными пластинками, зеркала, серьги, браслеты золотые, бронзовые, серебряные.

У одной такой модницы бронзовое зеркало на обратной стороне украшено орнаментом, изображающим двух извивающихся хищных рыб, поглощающих мелкую рыбу, и птиц; зеркало лежало в тонком кожаном мешочке, перетянутом шелковым шнуром с кисточками на концах. Платье другой украшено большим шелковым бантом, а грудь — янтарными бусами. В могилах богатых кочевников, в том числе и женщин, вы

обязательно найдете костяк лошади—символ богатства покойников при жизни их. Лошади иных некогда были покрыты парчевой попоной. Такие курганы вскрыты у села Рудни, бывшего Камышинского уезда, у сел Визенмиллер и Фриденберг в Республике немцев Поволжья.

Зеркало золотоордынской модницы (обратная сторона).

Среди развалин одного из Золотоордынских городов открыта усыпальница—склеп, выложенный кирпичем. В одной из комнат склепа вскрыто погребение женщины, превосходящее по своей пышности даже погребения богатых кочевниц. Это была знатная женщина орды, может быть жена какого-нибудь хана. Она лежала в парчевом серебряном халате, с золотыми серьгами, браслетом, перстнем. Костюм этой знатной татарки и сейчас вы можете посмотреть в Саратовском краевом музее.

Другие курганы гораздо меньше, проще. Здесь нет костяков лошадей, но есть стремена от седел, предметы украшения, хотя и не столь богатые и не в таком большом количестве. Это могилы не богатых кочевников, но и не бедных.

Могилы же бедняков, ремесленников не содержат вовсе никаких вещей или дают только нож, огниво и другую мелочь.

О жизни народов Золотой Орды много рассказывают остатки сел и городов ее. Часть народов орды

составляли качевники-скотоводы. Мы не найдем их селищ, так как они кочевали по степным просторам и не имели больших стоянок. Селища—это места земледельческих поселков Золотой Орды; их можно видеть у села Квасниковки — против Увека, в Саратовском крае, у села Подстепное — близ г. Энгельса, возле Усть-Курдюма, Шахматовки, Черемшан. Черепки глиняных изделий, кости домашних животных, мелкие металлические вещи — вот и все, что можно встретить на селищах.

Гребешок золотоордынской женщины.

Зато разнообразнейшие памятники находим мы на месте богатых городов орды.

В низовьях Волги по левому берегу Ахтубы, где теперь расположено село Селитренное, находятся развалины первой столицы Золотой Орды, основанной ханом Бату около 1240 года — „Сарай Бату". Селитренное — село огромное, без отдыха из конца в конец его, пожалуй, не пройдешь. И все-таки оно занимает только крошечную часть развалин древнего города.

Здесь отрыты интересные остатки фундамента большого здания, может быть, дворца хана, обломки плит с мозаичным орнаментом, которыми украшались стены этого здания. Образцы изразцов, которыми украшались стены домов хана, богачей и мечетей, можно видеть в Саратовском краевом музее. Это большие узорчатые мозаичные плиты. Каждая из них собрана из мелких кусочков синего, голубого и белого цветов. Некоторыми из них можно залюбоваться: на

одной — какие-то белые цветки переплетаются с желтыми глазками, на второй и третьей — по синему полю раскиданы белые звезды, на четвертой — кирпичными полосками на голубом фоне несколько раз подряд выведено слово: аллах (бог).

На холме располагались остатки усыпальниц-склепов. На окраинных же частях развалин города сохранились остатки саманных (глиняных) домишек городской бедноты, а недалеко от них открываются и погребения ее без всяких вещей.

Орнамент на серебряной золотоордынской чашке.

На Ахтубе же, немного ниже Сталинграда, около современного города Царева, стоял когда-то красавец город — Сарай Берке: это вторая столица Золотой Орды, построенная другим ханом, Берке. Развалины его не меньше развалин Старого Сарая.

Путешественник XIV века араб Ибн-Батута, побывавший тут в 1334 году, пишет: „Город Сарай один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины... с красивыми базарами и широкими улицами. В нем 13 мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей". Рассказав о том, что в городе живут разные народы — монголы, кыпчаки, черкесы, русские и т. д., Ибн-Батута сообщает: „каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта и Сирии и других

мест живут на особом участке, где стена ограждает имущество купцов". Таким же описывает этот пышный город того времени и другой путешественник араб Эл-Омари.

В центре города, окруженные стеной, располагались ханский дворец и дома приближенных и родных хана, облицованные изразцовым кирпичем; они имели даже водопровод, глиняные трубы которого обнаружены теперь на развалинах. Южнее дворца раскинулся базар, к востоку—административные учреждения столицы. Развалины этих городов говорят о том, что в них, особенно в Сарае Берке, было много разнообразных кустарных мастерских: кузниц по выделке бронзовой и медной посуды, гончарных, стеклянных изделий, даже ткацкие, ювелирные и т. д. На местах их находим мы горны, слитки металлов, различные изделия. В большом количестве на развалинах городов находят монеты.

Оба Сарая были так велики, что позже, с приходом в Н. Поволжье русских, с развалин этих городов при царе Михаиле Романове были вывезены тысячи возов кирпича на постройку Астрахани.

Возле Саратова есть остатки третьего золотоордынского города—Увека. На развалинах его теперь расположен современный поселок Увек. Тут-то и была вскрыта усыпальница с особенно богатой могилой знатной татарки, о которой мы говорили, и остатки горнов, в которых обжигали увекские гончары посуду и изразцы. Много вещей, в том числе монет чеканки различных годов, находят и до сих пор жители Увека при рытье погребов, ям и т. д. Город этот был повидимому, разрушен неприятелем, потому что иначе вряд ли тут осталось бы столько вещей, монет.

В 17 км выше Сталинграда, на берегу Волги, находятся развалины безыменного города, известного

Знатная татарка Золотой Орды.
(Портрет восстановлен по находкам в Увекском склепе).

в среде краеведов под именем „Мечетное городище" (назван так по речкам Мечеткам). На этом месте высятся теперь корпуса Сталинградского тракторного завода.

В трех километрах выше Дубовки, на склоне впадающей в Волгу глубокой балки „Водяной", раскинулось довольно большое городище, обнесенное со стороны степи двойным земляным валом. Это развалины, золотоордынского города „Бельджамен". Их уничтожают сейчас разрастающиеся овраги. Жители Дубовки в дореволюционное время вывозили отсюда ежегодно сотни возов костей на костемольный завод. Эти охотники за костями основательно перерыли площадь городища.

Голубая глиняная ваза. (Золотая Орда).

На Бельджамене найдены остатки хлебопекарни, в которой выпекался на продажу чурек, обнаружена также часть водопровода, сделанного из глиняных труб. Следует добавить, что водопроводные трубы и чуречные пекарни найдены в развалинах всех золотоордынских городов Нижнего Поволжья. На этом городище обнаружен кувшинчик с 200 серебряными золотоордынскими монетами.

По Астраханской железной дороге, в районе станции Досанг, находятся развалины небольшого городка, известного сейчас под названием „Ак-Сарай", т. е. „Белый Сарай". На всех этих развалинах городов находим мы остатки кирпичных домов, поливные изразцы, самую разнообразную глиняную посуду, котлы, замки, зеркала, железные топоры, рыболовные крючки и т. п.

ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОГО ЗОЛОТООРДЫНЦА.

Несколько лет тому назад, в выходной день, я приехал в нынешний поселок Увек. Я бывал там уже много раз и приобрел немало друзей — искателей старины. На этот раз я направился к дому одного из моих друзей — Макарыча. Едва я приблизился к забору его усадьбы, как откуда-то свалился на голову мне изрядный ком земли. Я выругался, отряхивая землю, отскочил в сторону и посмотрел через забор. У забора, рядом с грудой кирпичей—Макарыч рыл яму. Земля комьями летела оттуда, вскидываемая лопатой. „Ты что же это, Макарыч, так гостей встречаешь",— упрекнул я друга, входя в калитку. Кряхтя, старик вылез из ямы. „А ты не подсовывайся,—отвечал он мне улыбаясь.—Вот, видишь, новый погреб возле старого рою. Опять мамайское добро на лопату лезет: тебе нажива, в музей потащишь".

Макарыч показал мне только что вырытый им на дне погреба небольшой глиняный сосуд в виде боченка. „Да, это настоящий боченок, — говорю, — а ну-ка, что в нем?"

Приглядываясь к находке, я заметил, что вделанное в боченок днище скрепили известью. У меня, как говорят, разгорелись глаза. Прошло не меньше часу, пока мне удалось вынуть днище. Надо только представить себе фигуру Макарыча, когда я вынимал днище: он весь подался вперед и, ухватившись за кончик бороды, полураскрыв рот, впился в боченок. В глазах его так и читалось — золото! Признаться, я и сам волновался немногим меньше старика. Сняв крышку, под кучей плесени мы обнаружили в боченке какой-то длинный сверток. От разочарования старик сразу даже съежился. „Вот тебе золото, бумажки какие-то!" —сказал он. На самом деле это был лист сухой бересты.

Я снял со свертка полуистлевшую шелковую обвязку и развернул его. Это был большой, длиной около метра, испещренный мелкими ровными строчками лист. По краям свитка строчки потускнели, выцвели, в середине они имели почти свежий вид. „Тут какие-то каракули, их не разберешь", — заглядывая в рукопись, сказал Макарыч.

Забравшись в тень, в глубину сарая, чтобы рукопись не покоробило сразу от тепла и света, я принялся читать: по-арабски я кое-как разбираю. С некоторыми затруднениями, пропуская непонятные слова, я прочел рукопись. Макарыч попросил меня свернуть рукопись и положить ее обратно в боченок. — „Покажу боченок старухе со всем, что в нем есть. Уж привык так — ничего от старухи не скрывать. Пусть убедится, что в боченке, кроме бумаги, ничего нет".

Макарыч обещал мне вернуть боченок. Я верил моему приятелю и не хотел огорчать его, я отдал ему боченок. Только вечером отправились мы с Макарычем в сарай, где был спрятан боченок и — о ужас! — его не оказалось.

„Вот те раз!" — протянул старик и тотчас спохватился: „Чертенята... Его, наверное, Пашка — внучек с приятелями стащил". За забором в низине дымил костер, вокруг него копошились ребятишки. Мы бросились к костру. Рядом с ним валялось несколько картофелин, и в стороне стоял наш боченок.

„Чем костер разжигали?" — грозно спросил дед. „Берестой, вон из боченка взяли, да только плохо горит она — трухлявая и чудная какая-то." Я наклонился к костру и в золе его увидел крошечные остатки обуглившейся рукописи. Такие же клочки ветер разносил вокруг...

Через несколько дней я поехал с товарищами на раскопку курганов золотоордынской эпохи. Эти кур-

ганы от более древних довольно легко отличить. Они обычно невелики в диаметре, а над центром имеют впадинку, образовавшуюся вследствие провала земли в могилу.

В одном из курганов мы нашли костяк мальчика лет 12. На лбу его виднелся узенький сквозной шрам, чуть-чуть расширенный к одному концу. Одна ножка костяка немного короче другой. Мальчик, повидимому, при жизни слегка хромал. Я долго вглядывался в кости, в шрам на лбу, присматривался к хроменькой ножке... И передо мной, как из тумана, стал выплывать все ярче и ярче образ маленького хроменького приветливого мальчика. Откуда я знаю его? Ведь мальчик похоронен 600 с лишним лет назад? И тут мне вспомнилась прочтенная мною рукопись...

Ну, конечно, я нахожусь в могиле Юсупа. Вот и шрам — след сабельного удара конокрада. Я представил себе похороны этого мальчика. Мать к могиле не пошла, она лежала в кибитке в полузабытье и все ждала своего сына, ей не верилось, что его уже нет. Хоронить несчастного пошли отец, дед, дяди, другие родственники. Когда Юсупа в длинной рубашке положили в колоду могилы, отец не выдержал: крупные слезы потекли по щекам его, падая на усы, на бороду. В могилу положили нож — подарок дедушки, бараньи альчики, в которые любил Юсуп играть. Затем молча, торопливо родственники накрыли колоду, наложили вдоль и поперек могилы плашки дерева, на них прутьев и принялись засыпать могилу землей. К вечеру курган был готов, все вернулись в степь, к кибиткам...

* * *

Вот история этого маленького золотоордынца. Он родился в Новом Сарае в начале царствования хана

Узбека. Когда Юсупу исполнилось 7 лет, отец стал подумывать о том, что скоро надо приспособить сына к своему ремеслу, а мать была довольна уже и тем, что теперь есть с кем оставлять младшего сына и дочь, когда надо отлучиться за водой, либо сходить на базар.

Быть нянькой скучно. И Юсуп, занимая малышей, каждую минуту выглядывал за дверь лачуги — не покажется ли вдали мать, потом тихо покачивал в люльке ребенка.

Семья мальчика жила на самом краю города, почти рядом с бахчами, около большой пыльной дороги. Глинобитную мазанку смастерили отец и мать сами. Но за землю пришлось целых три ссума серебра заплатить краснобородому толстому сборщику податей. Мазанка состояла из одной комнаты, убранство ее было совсем бедно. От печи, стоявшей у задней стены избы, в обе стороны шли глиняные же лежанки, внутри которых проходили дымовые трубы. На этих лежанках зимой спала вся семья. Летом пищу готовили прямо на улице, около дверей. Две небольших корчаги, несколько горшков, четыре деревянные ложки — вот и вся кухонная утварь. В долгие осенние и зимние вечера комната освещалась глиняной плошкой — светильником: это горела тряпочка, опущенная в жир. На деревянной тахте, прижатой к свободной стенке избы, лежал сверток узорчатой кошмы, такая же кошма постлана и на земляном полу.

Отец рано уходил на работу и поздно возвращался домой. Юсуп часто бывал на работе у отца. Мастерская его находилась в ремесленной части города. Когда Юсуп, слегка прихрамывая, медленно проходил по ремесленным кварталам города, слух его наполнялся самыми разнообразными звуками.

Вот крошечная мастерская шапочника. Слегка вылезши за дверь своей клетушки, у порога, сгорбившись, сидит хозяин, сшивая иглой куски каракуля.

Глиняная плошка (светильник) и кувшин.

Рядом с ним, на шесте, зеленый попугай — друг хозяина. Попугай постоянно бормочет, то вдруг задремлет, снова проснется и неожиданно каркнет: „попка дурак", или заорет: „амбал, амбал" (носильщик). Прохожие и ремесленники смеются, смеется и Юсуп. Затем слышит он удары больших и малых молоточков в мастерской чеканщика. Молотки стучат то часто, точно выбивая барабанную дробь, то медленно и сильно. Возле мастерской Юсуп видит целую выставку медных кувшинов, тазов, чашей, ковшей.

А вон впереди, налево, — столярная. У самого входа ее, на крошечном токарном станке, узбек вытачивает колесики для веретен, ножки для скамеек. Товарищ его в мастерской искусно выдалбливает из куска дерева чашку с фигурной ручкой. Всех мастеровых не перечислишь: тут и кузнецы, и серебренщики, и резцы по кости, и много других.

Еще за угол — и Юсуп рядом с отцом в полутемном помещении, где так горячо, точно ты с руками и ногами влез в ящик с тлеющими углями. Это — мастерская стекольщика. В углу мастерской, в нескольких маленьких котлах-тиглях, при температуре в несколько сот градусов, варится смесь, из которой получается стекло. В каждом котле смесь окрашена в другой цвет. Двое подмастерьев соединяют вместе растянутые, страшно горячие и мягкие еще разноцветные полосы стекла: белые, синие, желтые. Получается цветной жгут, из которого отец Юсупа будет делать потом стеклянные браслеты, перстни, бусы.

Юсуп не мог долго пробыть в мастерской и стремглав выбегал на улицу. У входа в мастерскую, на скамейке сидит хозяин ее. Он медленно перебирает пальцами красные четки и глядит по сторонам. Отец выходит вслед за Юсупом, дает ему в руку несколько медных и одну серебряную монету. Юсуп должен отнести их матери. Мальчик побренчит монетами и положит их за щеку. „Султан верховный Махмед Узбек-хан правосудный", — было написано по-арабски на одной стороне серебряной монеты. На обратной ее стороне значилось: „Чекан Сарая богохранимого, 717 год гиджры" *. На монете указано два имени: Махмед — мусульманское имя хана, и Узбек — его настоящее языческое имя.

Юсупу еще очень нравилось рано по утрам выходить на угол к большой дороге и вместе с товарищами поджидать торговые караваны. Они проходили здесь к центру города каждое утро.

Вот показывается всадник в остроконечной шапке, цветном халате и в сапогах с загнутыми вверх нос-

---

* По нашему летоисчислению 1317—1318 годы.

ками. Всадник в полном вооружении: поперек седла лошади лежит длинное копье с железным наконечником, к седлу приторочен и лук. За спиной всадника торчат перья стрел, втиснутых в колчан, а сбоку кривая сабля. Это — передовик из охраны. За ним едет проводник, а еще дальше бесконечной вереницей потянулись верблюды, груженные тюками с товарами. Верблюды устало медленно вышагивают. В такт их шагам глухо позванивают большие медные колокола в виде банок, подвешенных то к шее верблюда, то к тюку товара. Вся вереница верблюдов соединена между собой веревкой: последняя тянется от седла одного животного к носу другого. Двинется первый верблюд, остальные волей неволей потянутся за ним.

За верблюдами табуном, мешая друг другу, двигались ишаки, мулы, они поднимали отчаянную пыль и беспрерывно бренчали колокольчиками. Погонщики ехали на ишаках, почти доставая до земли босыми ногами. На украшенных, но так же усталых лошадях сидели приказчики и сами купцы, хозяева каравана. Сзади каравана ехала стража.

Чего только не везли из далекого Ургенча, Персии, Египта! Хлопок, курягу, киш-миш, персики, абрикосы. И разве можно утерпеть, чтобы не пробраться осторожно к ишакам и не разрезать чуточку угол мешка. Из него посыплется тогда вкусная куряга. Твое дело — иди, знай, за текущей струйкой сласти и лови ее, пока не спохватится и не заметит какой-нибудь из зазевавшихся погонщиков. А если заметил — удирай, сколько хватит сил: могут изуродовать. И Юсуп удирал во-всю.

Сарай—город большой, многолюдный. И кого только здесь не встретишь: и кипчяка (половца), и черкеса, и русского, и грека, и перса, и араба, и египтянина.

Среди них важно расхаживают хозяева Золотой Орды— татары. Их немного в городе, —только чиновники, управители, надсмотрщики.

На базар лучше не ходи: не захочешь оттуда возвращаться. Он расположен близко от Ахтубы, так чтобы легко было с Волги подвозить на лодках товары. Юсуп с сверстниками часто бегал туда. Вот уголок базара, где шум смолкает только после того, как прозвучит вечерняя молитва с вышек мечетей. Вокруг походной кухни, на корточках, сидят проголодавшиеся. Они с аппетитом уплетают бараний шашлык, который конвейером готовит для продажи грязный повар-перс. Шашлык, густо посыпанный красным перцем, отправляется в рот вместе с куском чурека или завернутый в лаваш. Другие едят лакомое блюдо — вареный горох. За одну медную монету получают целую пригоршню его. С большим искусством люди кушают этот дессерт. Чуть ли не за полметра подбрасывают они горох вверх, и, точно притягиваемый магнитом, горох летит затем в рот.

На лотках и на земле, под навесом, лежат груды винограда, свежей куряги, помидор, финик, слив, вишни и дыни. Среди друзей Юсупа находились такие смельчаки, которые не считали зазорным заполучить бесплатно большую, яркожелтую дыню, лишь бы продавец не заметил. Особенно много охотников было до хорезмской дыни, она с твёрдой коркой и очень, очень сладкая. Недаром бахчеводы резали ее на кусочки, сушили на солнце и, уложив в корзины, отправляли в далекие страны, даже в Индию и Китай, как дорогое лакомство.

Большой город Сарай. Чтобы проехать из конца в конец, понадобится не меньше полудня. А хроменькому Юсупу для этого надо больше целого дня. Но мальчика это нисколько не смущало: кругом было

шумно, было на что смотреть его зорким глазенкам, было над чем задумываться его пытливой бритой головке под неизменно нахлобученной тибетейкой. Одна беда только: не везде можно побывать. В самом центре города, за крепкими стенами, живет знать города, правители орды. Изредка видел он, как из ворот ханского двора показывались всадники в роскошной одежде, вооруженные сверкающими от серебра, золота и дорогих камней саблями. Тут находится и дворец хана, который называют Алтун-таш, что значит— золотая голова. Сам хан со всем своим двором мало жил в городе. С ранней весны до поздней осени он кочевал по степи.

Дно глазурованной глиняной тарелки (Золотая Орда).

Юсупу пошел одиннадцатый год, когда отец его задумал перебраться в новый город — Увек. Отец нанял четырехколесную крытую арбу, запряженную парой верблюдов, и со всей семьей направился в Увек. Ехали все время левой стороной Волги. Степь была еще зеленой. Позже — в июле — она уже желтеет, выгорая от знойного солнца.

Путешествие это для Юсупа было удовольствием: до сих пор дальше городских стен мальчик никогда не выходил. Ночевали прямо в степи, и Юсуп вместе с возницей, отцом и матерью собирал по дороге кизяки для костра: другого топлива в степи не найдешь.

Юсуп не скучал в пути. Дорога, по которой он ехал, была большой караванной дорогой, соединявшей центр Золотой Орды с северными провинциями и рус-

скими княжествами. Через каждые тридцать километров стояла почтовая станция — постоялый двор: караван-сарай называли ее золотоордынцы. Тут торговые караваны могли отдохнуть, а государственные чиновники получали свежих лошадей. От станции до станции время от времени проезжали конные разъезды, следившие за безопасностью пути. Не раз по этой дороге пробирались в Сарай-Берке, окруженные охраной и прислужниками, русские князья и важные монахи. Они ехали в орду либо с жалобой на соседних князей, либо просить у хана ярлык (разрешение) на прирезку новых земель с деревнями, лесами, рыбными угодьями к своим монастырям и княжествам.

Нередко гнали по этим дорогам толпы измученных, оборванных, связанных вместе по рукам людей: это взятые в рабство взрослые и дети либо за неуплату дани, либо в результате набега кочевников на мирные села.

Вот арбу Юсупа нагнала небольшая крытая повозка, которую цугом везли несколько пар лошадей. В повозке сидела разодетая в шелковые ткани половчанка. Рядом с повозкой, верхом, трусил за ней половчанин в скромной одежде. В переднем углу повозки болтались прикрепленными на шесте две длинных войлочных полоски. „Что это такое?“ — спросил Юсуп. „Это значит, — разъяснил мальчику отец, — что у мужа половчанки конский табун насчитывает 2 тысячи голов. Так каждый богатый степняк дает знать встречным, каково его богатство, какой, стало быть, чести заслуживает он. Нет такого знака на повозке половчанина и монгола, значит коней у него несколько сот, а то и десятков. Не заслужит почета и уважения такой степняк в орде“.

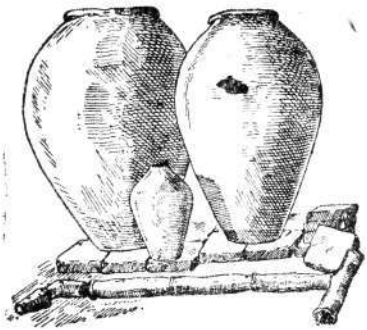
На пути встречались поселки, все взрослое население которых работало либо на бахчах, либо в садах.

В поселках же, расположенных на берегах Ахтубы и Волги, люди рыбачили. Вокруг поселков растилались засеянные просом поля.

Через десять дней семья Юсупа подъезжала к Увеку. Его видно было с другого берега Волги. Мальчик никогда не видел правого берега реки. Его поразили ее крутые высокие берега, затянутые синеватой дымкой. Под горой, еле заметный издали, ютится городок. Точками белеют строения, казавшиеся издали игрушечными. Повозка направилась обратно, а семья Юсупа на лодке переправилась в Увек.

Любопытно было пожить на новом месте, и в то же время приходилось привыкать ко многому новому. Весь городок раскинут на склоне. Ходить по улицам его — значит беспрерывно то опускаться, то подниматься на холм. Юсупу понравилось, что кругом было много зелени, что городок небольшой, кругленький, и совсем нетрудно было обежать весь его. После столичной жизни непривычно поражала тишина улиц Увека. Но потом стало казаться, что и на Увеке шумно. Юсуп быстро завел себе новых приятелей, и в те дни, когда отец давал ему свободу, он лазал по горам, шнырял с товарищами по лесу. С горы весь Увек был как на ладони. У самого берега Волги — пристань. Влево, в низине, виднелся поселок, в котором жили русские, большей частью захваченные в плен в сражениях и набегах. Вправо, на пригорке, высились минареты мечетей, а рядом с ними блестели купола мавзолеев (тюрбе), в которых похоронены богачи. Подальше тянулся от Волги к горам вал с забором на нем. В валу имелись ворота, по обоим сторонам которых стояли две мазанки. Когда к воротам подходили караваны или подъезжали арбы с товарами, из мазанок выходили сторожа. Они пропускали в город только после того, как купцы уплачивали въездную пошлину.

На базаре Юсуп однажды увидел людей, которых до этого ни разу не встречал. Он долго ходил за ними как за диковинкой: это были мордва в своей национальной одежде. Ремесленники Увека ничего нового для Юсупа не представляли: те же, что и в Новом Сарае. Но здесь первый раз пришлось ему проходить мимо мастерской, где выделывали глиняную посуду, водопроводные трубы и цветные кирпичи: голубые, белые, синие.



Золотоордынские кирпичи, корчаги и водопроводные трубы.

Мальчик уже настолько подрос, что по нескольку часов проводил на работе вместе с отцом, помогая ему варить стекло и выделывать из него флаконы, браслеты и бусы. Юсуп даже завел себе глиняную в виде репы кубышку-копилку, куда складывал время от времени по одной-две серебряных монеты, которые ему давал отец. Утомившись за день, он крепко засыпал. Но еще чуть брезжит свет, мать ласково треплет мальчика по плечу: „вставай, надо итти за чуреком".

И Юсуп покорно встает, порывистыми движениями сгоняет дремоту и отправляется в пекарню. В пекарне жарко. Жир в плошке еле освещает ее. На возвышенности, представляющей из себя что-то похожее на глиняный куб, на краю ее, сидит пекарь, он же хозяин. Перед ним раскрытое жерло печки. Оттуда, снизу вверх пышет сильный жар. Лицо пекаря красное, в поту. Когда топливо сгорает, и стенки печи накаливаются, он накладывает в нее порцию сырых, круглых, величиной со средний поднос чуреков. Эти

куски раскатанного теста он кладет сначала на круглый щит, обтянутый материей и обсыпанный мукой. Затем, нагнувшись низко над печкой, он пришлепывает чуреки к раскаленным стенкам печи изнутри, точно штукатурку к стене. Сложив чуреки таким образом, пекарь закрывает жерло печи глиняной крышкой. Юсуп покупает еще горячий, приятно пахнущий, взбрызнутый водой, чурек и отправляется домой.

Скоро наступила для Юсупа новая радость: как-то раз отец сказал, что вся семья поедет за Волгу, к дедушке Юсупа. Дети, даже старший Юсуп, совсем не помнят старика. Юсуп видел дедушку очень давно. Теперь дед вернулся из далеких кочевий, о чем известил сына. И вот семья Юсупа отправилась в степи. Отец Юсупа был не то узбек, не то перс — он уже и сам хорошо не знал этого. Так различны по национальности были его предки. Мать же его была наполовину монголка, наполовину половчанка.

Дед гостеприимно встретил родных. Семья деда жила в кибитках. Кибитки эти были устроены из тонких жердей ввиде решетки и обтянуты войлоком. Сверху — отверстие для дыма, которое в случае дождя закрывалось кошмой. Около одной из кибиток стоял трехногий железный таган, на котором в железном котле варилось баранье мясо. Недалеко от кибиток привязаны к веревке, натянутой между двумя колышками, несколько телят. Телята ревели и настойчиво рвались к своим матерям, пасшимся в стороне на пригорке.

Внутренняя обстановка кибитки не отличалась богатством. По стенам ее было привязано несколько набитых вещами кожаных сумок. Здесь же висело оружие: лук, колчан со стрелами, сабля. На полу разостланы грубые ковры. У одной из стен, против двери, находилась божница с несколькими разложенными на ней идольчиками. Дед был буддист-ламаист,

хотя главной религией в орде считалось мусульманство. Хан Узбек не особенно благоволил язычникам.

Родственники уже несколько дней прожили у старика-кочевника. Вечером группа молодежи — юношей и девушек — на конях отправились в степь на увалы. Юсуп был плохим наездником и значительно отстал в этом искусстве от своих сверстников-степняков. Уже стемнело, когда, отделившись от товарищей, Юсуп один перебирался через одну из балок.

Идольчик—божок кочевников.

Из-за бугра, навстречу к нему выскочило вдруг несколько всадников. Остановившись, Юсуп непонимающе смотрел на них.

Когда же один из всадников взял под узцы его лошадь и предложил ему слезать и итти на все четыре стороны, Юсуп струсил и закричал. Но прежде, чем крик его услышали товарищи, один из конокрадов ткнул его в лоб кривой саблей. Как подкошенный, свалился Юсуп с коня...

Под утро только нашли труп Юсупа: он лежал ничком, кровь запеклась вокруг раны на лбу, а хроменькая ножка была поджата к животу...

За ночь конокрады ускакали уже далеко, в глубь степи. Иначе они были бы жестоко наказаны. По законам орды тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его владельцу, а вместе с ним дать еще девять таких лошадей. Если он не имел их, у него отбирали детей. Если же у него и детей не было, его убивали. Казнили и убийцу ни в чем неповинного человека.

Верил в эти законы отец Юсупа. Он решил написать главному судье Увека прошение с самым подробным изложением гибели любимого сына. Ему казалось, что кровь мальчика требует отмщения, а трагическая гибель его должна тронуть сердце ханских чиновников. За две медных монеты седобородый писец, что сидит на улице на тюфяке перед маленьким столиком в торговой части города, написал ему жалобу, в которой самым подробным образом была описана жизнь Юсупа.

Но толстый судья безразлично выслушал убитого горем отца и сказал: „Все в руках Аллаха... Если найдешь убийцу, приведи — мы накажем его..."

Что осталось делать отцу Юсупа? Он положил жалобу в боченок, замуровал ее в этом сосуде и спрятал в надежде на лучшее время. Так она и осталась лежать... пока Макарыч не затеял рыть новый погреб и не нашел боченок.

Шалуны ребята использовали находку для того, чтобы развести костер, и поэтому мне приходится рассказывать из истории маленького золотоордынца лишь то, что запомнилось после беглого чтения жалобы его отца, и используя те сведения, которые имеет наука о государстве Золотой Орды.

КОНЕЦ ОРДЫ.

Золотая Орда просуществовала около 200 лет. За это время на ханском престоле перебывало не меньше 50 ханов. Среди них была даже одна женщина—Тулунь-бек-ханум. Ханы редко умирали своей смертью. Чаще они убивались своими преемниками, желавшими сесть на ханский престол.

Крупнейший хан Золотой Орды—Узбек,—во времена которого орда была наиболее могущественной, захватил власть насильственно: он отстранил от пре-

стола прямого наследника его, внука Тагтогу, перебил его приверженцев, заодно перерезал немало буддийских лам (священников), которые мешали ему ввести в орде мусульманство. Этим последним хан добивался расположения мусульман-властителей востока—Персии и Египта.

После смерти Джанибека, сына Узбека, правившего Золотой Ордой 18 лет, ханы в орде стали меняться так часто, что никто из путешественников и историков того времени не успел записать даже имен их. Первые девять ханов вместе правили немногим меньше, чем остальные 40 слишком ханов.

Иногда в орде появлялось сразу несколько ханов, друг друга не признававших. О некоторых из них мы узнаем лишь по монетам, которые чеканились в те несколько месяцев, когда царствовали эти ханы.

Внутренние междуусобицы ослабляли орду и вели ее к упадку. А в это время на севере накапливались силы, которые нанесли ей окончательный удар. Этой силой стало Московское русское государство, образовавшееся из отдельных, прежде разрозненных русских княжеств.

В 1380 году Московское княжество настолько расширилось и окрепло, что великий князь его—Дмитрий Донской—рискнул выступить против владычества татар. На Дону, на Куликовском поле, русские наголову разбили армию золотоордынского хана Мамая.

Русь переставала быть подвластной Золотой Орде. Правда, в 1382 году другой хан—Тохтамыш—снова разгромил московского князя. Но это была недолговечная победа. И еще через 12 лет сами золотоордынские ханы потерпели жестокий разгром со стороны нового завоевателя—Самаркандского хана—Тамерлана или Тимурленга. Орда еще быстрее шла к развалу. Уже отделилось от нее Крымское ханство. В начале XV века выделилось Казанское царство. Последний хан Золотой орды владел уже небольшой территорией

в низовьях Волги с центром в Старом Сарае. Московская Русь окончательно перестала платить татарам дань, а царь Иван III не ездил уже больше в орду на поклон к хану. Хан Ахмат еще раз решил было показать русским, что орда жива. В 1480 году он двинулся в поход на Русь. Несколько месяцев простоял он с своей армией на реке Угре, лицом к лицу с русской ратью, но напасть на нее так и не решился и ушел домой.

Власти татар и по имени на Руси не стало. Не стало и самой Золотой Орды: последний осколок ее превратился в Астраханское царство или ханство, где правили потомки Ахмата до 1556 года. А еще позже по берегам Каспия, Урала и в Заволжье кочевала орда ногайцев—остатки Золотой Орды.

В начале XVI века Нижнее Поволжье начинают захватывать русские. Шаг за шагом продвигаясь в Поволжье, царь Иван Грозный завоевывает в 1552 году Казань, а в 1556 году и Астрахань. В 1589—90 гг. московский царь строит на Волге первые русские крепости—Царицын и Саратов.

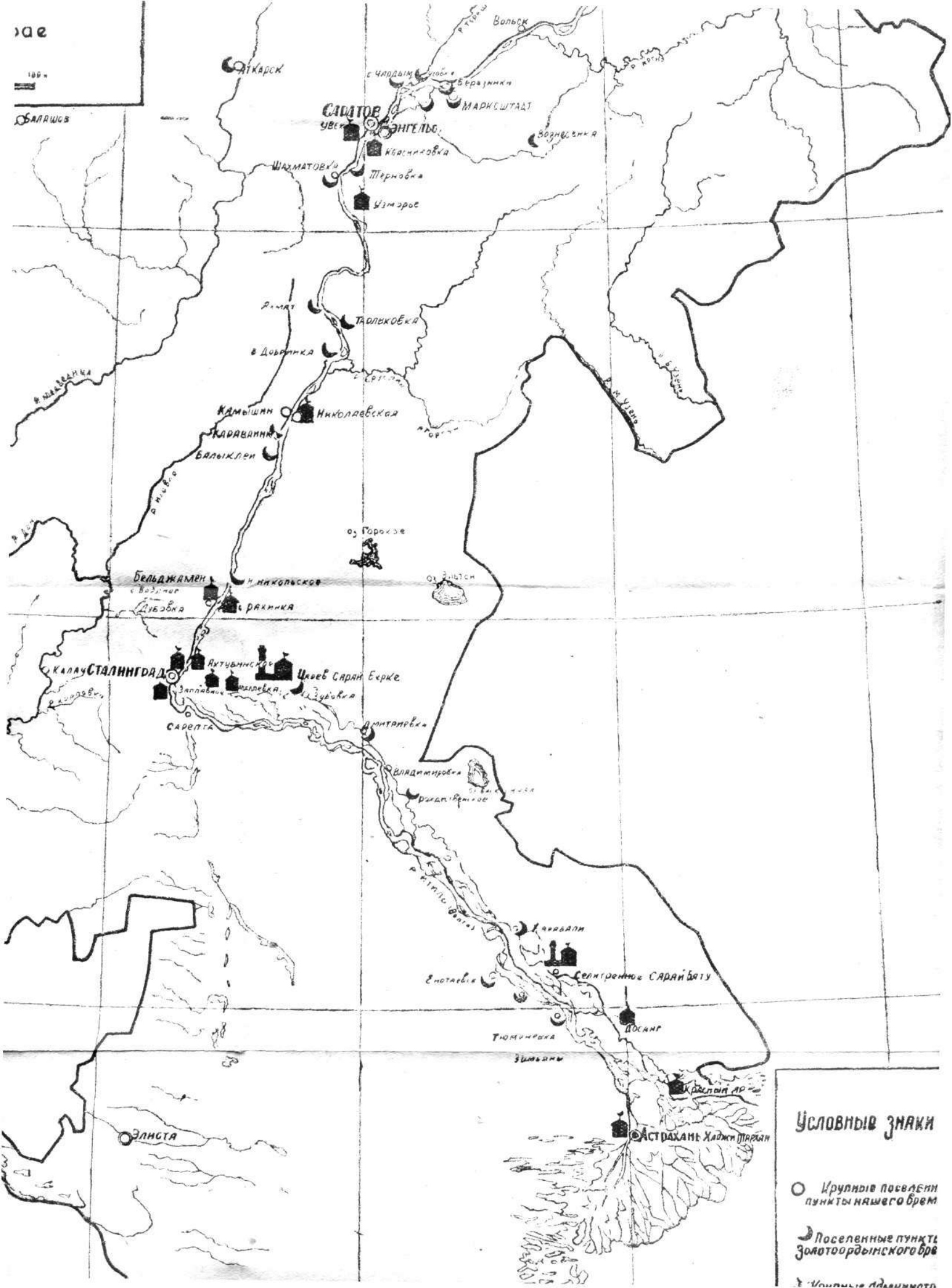
Но об этом рассказывают нам уже не археологические памятники, а разного рода письменные документы.

Об этом вы прочтете в другой книге, посвященной истории Нижнего Поволжья.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие — 3
10 ТЫСЯЧ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ — 6
КУРГАНЫ — 23
3 тысячи лет тому назад у Аткарска — 39
В степях Поволжья — 45
„Три брата" — 48
ЗАЧЕМ СТАЛИ НУЖНЫ ГОРОДИЩА — 54
Как появились племена — 56
Сарматы — 70
Древняя мордва — 81
Менялись хозяева степей — 86
ЗОЛОТАЯ ОРДА — 98
История маленького золотоордынца — 109
Конец орды — 123

19050
САРАТОВСКАЯ
Инв № 29871


Вольск
Аткарск
Балашов
Саратов
Энгельс
Маркштадт
Шахматовка
Терновка
Узморье
Тарлыковка
Камышин
Николаевская
Караванин
Балыклей
оз. Горькое
Бельджамен
Никольское
Дубовка
Сталинград
Царев Сарай Берке
Сарепта
Владимировка
Селитренное Сарай Бату
Досанг
Тюменевка
Красный Ар
Астрахань Хаджи Тархан
Элиста
Условные знаки
Крупные поселени
пункты нашего врем
Поселенные пункт
Золотоордынского вре

Редактор Изд-ва **П. Жукова**
Технич. редактор **Н. Дахин**
Корректор **В. Сас**

Обложка, форзац и рисунки художников **Б. В. Маловидова, А. И. Ларина и А. Н. Чечнева**

Сдано в производство 19/VII 1936 г.
Подписано к печати 21/IX 1936 г.
Тираж 10 000. Формат бум. 61×94 1/20
Печат. лист. 8 1/4 Бум. лист. 4 1/8
Знаков в п. л. 28000 У.-а. л. 5,5
Инд. № Д — 9. Издат. № 74.
Заказ № 4921. Уполномоченный Крайлита № А/268.

Цена 1 р. 50 к. Переплет 1 р. 25 к.

Тип. № 1 Сарат. Крайместпрома

93408
ПРОДАНО

2P 75K